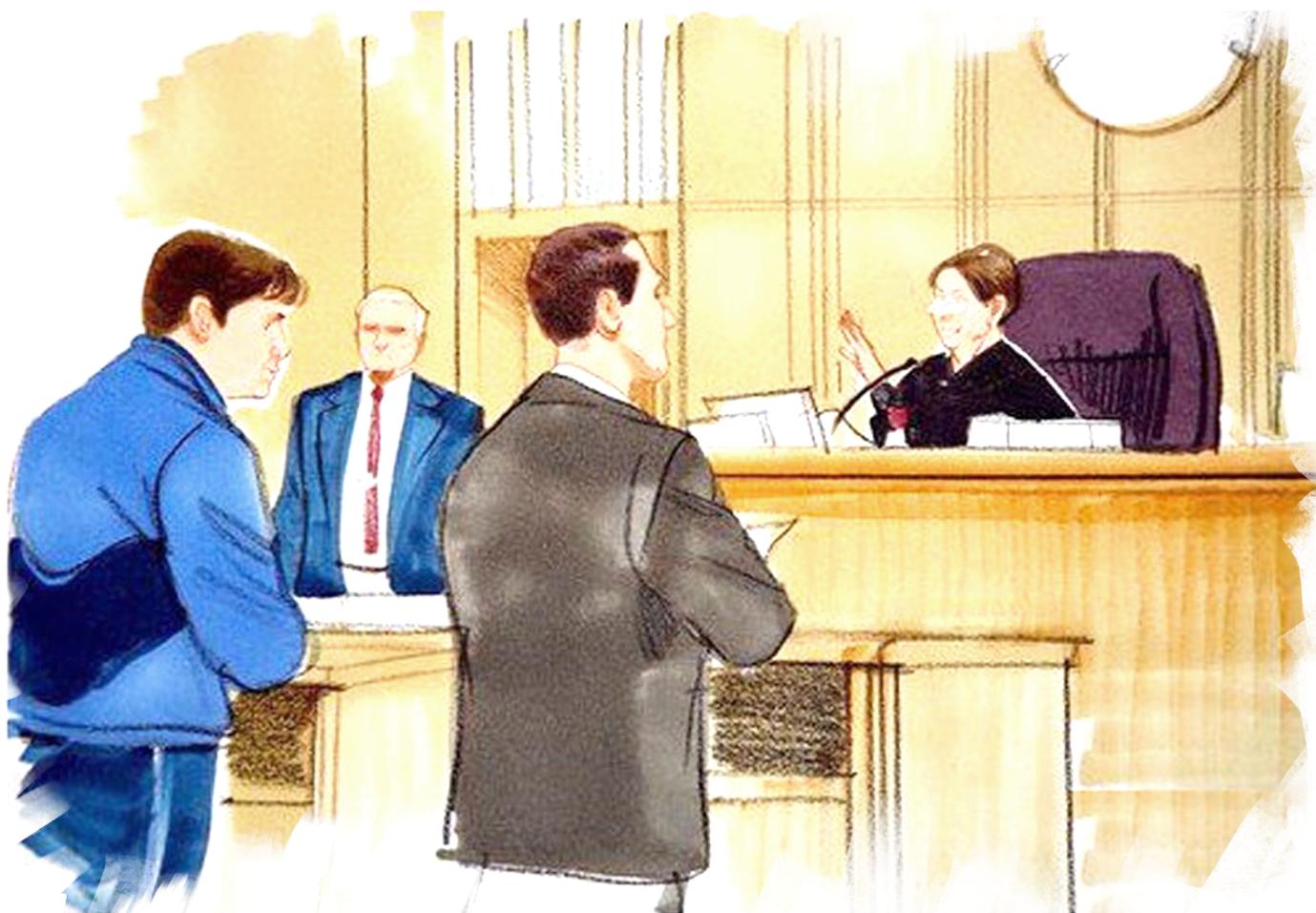

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник
международный научный журнал

9
2020

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 9 (23) / 2020

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Шевелева А.С. Правовое регулирование общественного достояния в российском и зарубежном законодательстве	1
---	---

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Козлова О.Е. Проблемы реализации конституционного права граждан на образование	3
--	---

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Бордюговский О.Я. Перспективы развития и совершенствования законодательства в области оборота недвижимости в РФ	5
---	---

Долгих Д.А. К вопросу о применении в гражданском судопроизводстве концепции бесспорных обстоятельств	6
--	---

Ермакова А.Д. Роль нотариуса в удостоверении медиативного соглашения	8
--	---

Лезнева А.Ф. Процессуальное значение заключения эксперта в гражданском и арбитражном процессе, административном судопроизводстве: проблемы использования	11
--	----

Лисицкая А.Ю. Соотношение несправедливых договорных условий со смежными правовыми понятиями	15
---	----

Сенковец А.В. Система гражданского права	18
--	----

Строкова О.Г., Байбакова Т.М. К вопросу о понятии договора возмездного оказания медицинских услуг	20
---	----

Сунгатов И.Р. Правовое регулирование технологии блокчейн	24
--	----

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Арефьев М.А. О практике применения арбитражными судами законодательства об административных правонарушениях	26
---	----

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Кудинов М.А. Проблемные вопросы судебной защиты интеллектуальных прав в современных условиях	29
--	----

Тришкина Е.А.
Использование охраноспособных объектов в аудиовизуальных произведениях. 32

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Новиков Е.Ф., Оглоблин Н.Г.
Криминологический анализ детерминант коммерческого подкупа. 34

Панфилова Е.А.
Некоторые вопросы осуществления полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением 36

Титова Е.Д.
Понятие и виды процессуальных издержек по уголовным делам о пожарах. 37

Титова Е.Д.
Порядок возмещения процессуальных издержек по уголовным делам о пожарах 39

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Правовое регулирование общественного достояния в российском и зарубежном законодательстве

Шевелева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В данной статье мы рассмотрим общие функции, которые общественное достояние может выполнять в современном обществе в рамках трансграничных правоотношений в сфере авторского права.

В широком смысле, как отмечает В. О. Калятин, «в сферу общественного достояния, включаются все результаты интеллектуальной деятельности, в отношении которых не действуют исключительные права, какова бы причина этого ни была: неохраноспособность объекта, специальный закон или истечение срока действия исключительного права» [1, с. 6]. Например, такой подход можно наблюдать в утверждении «институт авторского права делает необходимым получение разрешения перед использованием, режим общественного достояния позволяет использовать без необходимости получения разрешения. Очевидно, что сюда относятся произведения, которые по каким-либо причинам не могут считаться защищенными авторским правом» [2, с. 107].

При таком широком подходе общественное достояние может включать такие объекты, как:

- несоблюдение установленных критериев защиты. Если рассматривать этот критерий в области авторского права, то произведение, не обладающее достаточной оригинальностью, будет являться таким несоответствием, когда автор не проявил достаточной степени творческой самостоятельности и не обладает достаточной оригинальностью, либо техническим решением, не отвечающим требованиям новизны, изобретательского уровня, промышленной применимости и т. д. Однако важно иметь в виду, что критерии охраны, применяемые к одним и тем же объектам, варьируются от страны к стране; например, в Российской Федерации;
- произведение должно быть выражено в объективной форме, в то время как в США ему требуется фиксация произведения, соответственно, публично произнесенное, но не записанное, произведение будет находиться в общественном достоянии в США, но охраняться в России;
- те, которые явно исключены из охраны;
- произведения, которые не охраняются на территории соответствующей страны в соответствии

с применением принципа территориальной защиты;

- исключительные права в отношении которых истекли сроки охраны. Международные соглашения предусматривают минимальный срок охраны авторских прав: например, Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (далее — Бернская конвенция) и Соглашение ТРИПС предусматривают минимальный срок действия авторских прав, равный жизни автора и 50 лет после его смерти.

На практике условия охраны варьируются в разных странах, тем более что, помимо общего срока, законодательство может также предусматривать специальные варианты расчета сроков. Кроме того, ст. 7 Бернской конвенции, провозглашая, что срок определяется законодательством страны, в которой истребуется охрана, в то же время уточняет: «однако, если законодательством этой страны не предусмотрено иное, этот срок не может превышать срока, установленного в стране происхождения произведения». Это дает возможность произведению войти в общественное достояние даже раньше установленного в стране срока.

Проанализируем более подробно институт общественного достояния в США, его сходства и отличия от общественного достояния в Российской Федерации.

Общественное достояние в США. К общественному достоянию относятся произведения, в отношении которых истек срок охраны авторских прав, и произведения, не подлежащие охране авторских прав. Необходимо отметить, что Конгресс США многократно увеличил сроки охраны исключительных прав, и за последние 40 лет такие изменения были внесены 11 раз. Например, специальные поправки к закону об авторском праве, принятые после Первой и после Второй мировых войн с целью продления истекших сроков охраны произведений авторов из стран, воевавших на стороне США. Таким образом, произведения, созданные в разные временные периоды, имеют свою специфику перехода в общественное достояние.

Сегодня срок действия исключительных прав на произведения в США определяется законом Сонни Боно об авторских правах 1998 года, это срок жизни автора

и 70 лет после его смерти, а для корпоративных произведений с момента создания — 95 лет. Этот закон не только увеличил срок охраны произведений, созданных после его вступления в силу, но и «перенес в будущее и заморозил» дату передачи в общественное достояние в США произведений, охраняемых более старыми законами об авторском праве. Однако охрана произведений, исключительные права на которые истекли, не восстанавливается. Опубликованные произведения, созданные до 1923 года, оставались в общественном достоянии США, в то время как неопубликованные произведения возвращались под защиту авторских прав по крайней мере в течение 70 лет после смерти автора.

Однако закон также затронул срок действия исключительных прав на охраняемые авторским правом произведения, опубликованные до 1 января 1978 года, увеличив их на 20 лет, отложив момент передачи произведений в общественное достояние до 2047 года. При этом произведения, которые были созданы до указанной даты, но не были опубликованы или зарегистрированы, остались под регулированием § 303 с. 17 Кодекса США и будут защищены авторским правом до 2047 года.

Конституционность решения о продлении срока охраны авторских прав была оспорена в Верховном суде США на том основании, что первая поправка к Конституции США устанавливает право Конгресса на пропаганду науки и полезных ремесел, закрепляя за авторами исключительные права на их произведения только на ограниченный срок.

Общественное достояние в Российской Федерации. Прекращение исключительного права является общим правилом для передачи в общественное достояние как опубликованных, так и неопубликованных произведений науки, литературы или искусства в России. Именно «прекращение исключительного права» (а не истечение срока) позволяет нам учитывать случаи возможного досрочного прекращения исключительного права или, наоборот, его продления.

В свою очередь, Россия присоединившись к Бернской конвенции, использовала оговорку относительно обратной силы конвенции, что означало, что конвенция не распространяется на произведения, которые уже находились в общественном достоянии на дату вступления Конвенции в силу для России.

Срок действия исключительных прав на территории Российской Федерации продлевался на 4 года, если автор работал в годы Великой Отечественной войны или участвовал в ней, то есть срок составляет 74 года после смерти автора. Если автор был посмертно реабилитирован после

репрессий, то срок защиты прав начинается с 1 января года, следующего за годом реабилитации, и составляет также 70 лет (пункт 4 статьи 1281 Гражданского кодекса Российской Федерации). Эти правила не применяются, если произведение поступило в общественное достояние до 1 января 1993 года.

По истечении 70 лет со дня законного опубликования произведения или со дня создания неопубликованного произведения авторское право юридических лиц, возникшее до вступления в силу закона Российской Федерации 1993 года «Об авторском праве и смежных правах», прекращается. Исходя из этого, сегодня отечественные студийные фильмы, вышедшие на экраны более 70 лет назад, считаются перешедшими в общественное достояние.

Передача произведения в общественное достояние допускается законом досрочно, а точнее до истечения срока действия исключительного права. Неопубликованное произведение, перешедшее в общественное достояние, может быть обнародовано любым лицом при условии, что такое раскрытие не противоречит воле автора и выражено в письменной форме, то есть при составлении завещания, письма и т. п. Однако не оговаривается, каким именно образом должна быть выражена воля автора для передачи его произведения в общественное достояние до истечения срока действия исключительного права и чтобы его решение впоследствии не могло быть оспорено наследниками.

Итак, подведем итоги анализа общественного достояния в трансграничных авторских отношениях, отметив основные особенности его развития в современном регулировании. Можно сказать, что Бернская конвенция является практически единственным объединяющим международным договором, нормы которого закреплены в соответствующих статьях и которые в общем смысле подтверждают статус института общественного достояния. Если не принимать во внимание слабое развитие института на международном уровне и, так сказать, пробелы практически во всех региональных и двусторонних межгосударственных договорных уровнях, то сущность этого института трактуется практически всеми государствами одинаково, что может свидетельствовать о гармонизации института общественного достояния в международном авторском праве. Но остается еще ряд проблем в трансграничных отношениях, обусловленных разным уровнем экономического и культурного развития государств, а также расположением международного авторского права, что проявляется в дифференциации объекта части общественного достояния, различных подходах к определению произведения в публичном государстве.

Литература:

1. Калятин В. О. «Проблемы определения сферы общественного достояния в современном информационном обществе» // Право. 2016. № 2. С. 6.
2. Deazley R. Rethinking Copyright History, Theory, Language. Northampton. 2006. P. 107.
3. О. В. Луткова «Общественное достояние в трансграничных авторско-правовых отношениях».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (СПС «КонсультантПлюс»).

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Проблемы реализации конституционного права граждан на образование

Козлова Ольга Евгеньевна, студент
Тюменский государственный университет

Выделяя наиболее актуальные проблемы в реализации права граждан на образование, автор предлагает варианты их разрешения, такие, как кодификация образовательного права, увеличение финансирования сферы образования из средств федерального бюджета и бюджета субъектов Федерации и другие.

Ключевые слова: право на образование, законодательство об образовании, общедоступность и бесплатность образования, гарантии реализации, государственные и муниципальные образовательные учреждения, проблемы реализации права на образования, дискриминация, обучение, государство.

Отражение права на образование в ст. 43 Конституции РФ и ином законодательстве Российской Федерации безусловно соответствует всем демократическим принципам и положениям международного права, однако следует подчеркнуть, что наряду с законодательным закреплением и определёнными достижениями процесс реформирования российского образования в своём развитии сопряжён с рядом сложных проблем, требующих своевременного решения на государственном уровне.

Одной из немаловажных проблем является реализация такого принципа права на образование, как общедоступность, обеспечение равного доступа к получению образования. Здесь вопрос касается, прежде всего, лиц с ограниченными возможностями, в том числе и инвалидов. В ст. 79 ФЗ «Об образовании в РФ» [2] указаны особенности организации и получения образования этой категории лиц. Например, использование специальных программ и методик обучения, предоставление за счет федерального или бюджета субъекта технических средств обучения. Для адаптации лиц с ограниченными возможностями предполагается их обучение не в специализированных учебных заведениях, а в общеобразовательных учреждениях. На практике же большинство этих учреждений не соответствуют указанным в Федеральном законе требованиям, а значит делают невозможным обучение там лицам с ограниченными возможностями. Основой данной проблемы является, скорее всего, критическое недофинансирование образования как со стороны федерального бюджета, так и со стороны бюджета субъекта РФ. Решением этой проблемы видится пересмотр распределения бюджетных средств или же привлечение в эту область каких-либо внебюджетных средств, обращение государством

большого внимания к финансированию образования в Российской Федерации.

Следующая проблема касается реализации высшего образования в России, а точнее гарантии его бесплатного получения. Законодательство России провозглашает возможным получения высшего образования бесплатно только лишь на конкурсной основе, и, если образование данного уровня гражданами получает впервые. Статья 100 ФЗ «Об образовании в РФ» указывает, что за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета осуществляется финансовое обеспечение обучения по образовательным программам высшего образования из расчета не менее чем 800 студентов на каждые 10 тысяч человек в возрасте от 17 до 30 лет, проживающих в Российской Федерации.

Однако, реализация на практике таких контрольных цифр пока что не удается. Дело в том, что бюджетных мест, за которые борются выпускники школ, катастрофически мало. Как известно, количество бюджетных мест с каждым годом уменьшается. При желании поступить на ту или иную специальность абитуриент обнаруживает, что не имеет возможности получить бюджетное место на то направление или специальность, на которую мечтал попасть, по причине того, что такие места отсутствуют. Так, способная и талантливая молодежь, которая хочет реализовать себя в одном направлении, но не имеет финансовых возможностей, идет на другое направление подготовки, вопреки своим стремлениям. Здесь снова же проблема кроется в недофинансированности образования.

В ст. 70 ФЗ «Об образовании в РФ» установлено, что прием в высшие учебные заведения по программам бакалавриата и специалитета проводится на основании результатов единого государственного экзамена. Здесь

проблема плавно перетекает в качество образования, даваемого на уровне средних общеобразовательных учреждений. С установлением такого контроля знаний при выпуске из школ, гимназий и лицеев теряется их главное предназначение: обеспечение детей определенным базовым качественным уровнем знаний, социализация личности и многое другое. Современные общеобразовательные учреждения делают главным приоритетом жизни выпускников сдачу ЕГЭ и поступление в высшее учебное заведение, превращаясь таким образом в некий «конвейер», задачей которого является получение высоких баллов. И не случайно в этом заинтересованы как ученики, так и школы, ведь, поступая в ВУЗ, выпускник в зависимости от сдачи такого экзамена может получить или не получить бюджетное место в высшем учебном заведении.

Стоит также отметить, что сам процесс сдачи единого государственного экзамена, сильно влияющий на психику отдельных учащихся. В школах детям внушают о том, что сдача ЕГЭ представляется на данный момент самым важным в их жизни. Думая об этом, учащиеся сильно волнуются, внешне к этому прибавляется нагнетающая обстановка в аудиториях, пристальное наблюдение за ними посредством видеокамер и так далее. Выпускники школ испытывают сильный стресс и из-за этого могут получить не те высокие баллы, которые соответствовали бы их уровню знаний. Соответственно, они уже лишаются возможности получить бюджетное место, в чем и проявляется проблема общедоступности и стремления к бесплатности высшего образования.

Конечно, список проблем, охватывающих реализацию права на образование, гораздо шире, но в силу того, что мы студенты высшего учебного заведения, были выделены некоторые проблемы, которые непосредственно испытаны на хоть и небольшом, но житейском опыте.

По мнению некоторых исследователей, самым действенным решением указанных выше проблем будет являться кодификация образовательного права. Это объясняется тем, что принятые нормативные акты, касающиеся образования в России представляют собой огромный массив, которые необходимо собрать в единый кодекс.

Барабанова С. В. считает, что на протяжении длительного времени Федеральный закон «Об образовании в РФ» довольно успешно выполнял функцию системообразую-

щего акта для реформируемой системы российского образования. Однако к настоящему времени ни его содержание, ни реальный статус в иерархии актов российского законодательства уже не отвечают потребностям системы [3]. Принятие новых нормативных актов также не будет способствовать решению проблем, а будет только усугублять и запутывать систему законодательства России об образовании.

Также, на наш взгляд, для того чтобы изменить ситуацию в сфере образования, требуется установление последовательных жестких мер административного и дисциплинарного характера. Прежде всего это касается «теневых» рынков образовательных услуг, взяточничества, а также игнорирования норм, указанных в законодательстве РФ.

Для государства реальное повышение уровня образования будет способствовать положительным изменениям в других сферах общественной жизни, например, в экономической. Для достижения таких целей следует иметь в виду, что заимствование зарубежных достижений в сфере образования необязательно приведёт к хорошим результатам. Государству необходимо самостоятельно развивать собственную модель образования, при этом уже учитывая опыт зарубежных стран. Эти меры позволят созданию таких условий реализации права граждан на образование, которые будут соответствовать на практике Конституции РФ, международному законодательству, законам и многим другим актам, принятым в этой связи.

Таким образом, стремление государства повысить уровень образования населения непосредственно связано с задачами развития экономической политики, так как недостаточное финансирование является одной из проблем обеспечения конституционного права граждан на образование. То есть можно предположить, что постепенно общество пришло к пониманию, что качественная система образования — это залог процветания государства, а образованные граждане, в частности молодежь, — это будущее России. Сегодня российское образование находится в стадии модернизации. Этим объясняется множество нововведений, таких как, единый государственный экзамен, новые и современные программы образования, двухуровневая система высшего образования и многое другое.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 21 июля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ: по сост. на 1 мая 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53. — Ст. 7598.
3. Барабанова С. В. Образовательное законодательство: (проблемы кодификации) / Высшее образование в России. — 2004. — № 9. — С.142–148.
4. Шкатулла В. И. Образовательное право: Учебник для вузов / В. И. Шкатулла. — М.: Норма, 2001. — 688 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Перспективы развития и совершенствования законодательства в области оборота недвижимости в РФ

Бордюговский Олег Яковлевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Камышанова Анна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент
Таганрогский институт управления и экономики (Ростовская обл.)

В ноябре 2019 года на рассмотрение в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 835938–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)» [1], который, в части некоторых положений, серьезнейшим образом предлагает реформу правового режима имущественных отношений супругов.

О качественном характере законопроекта говорит тот факт, что главным субъектом права законодательной инициативы является Депутат Государственной Думы, председатель Комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству. Председатель Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, сопредседатель Ассоциации юристов России — П. В. Крашенинников. [2]

Согласно законопроекта изменения коснутся ГК РФ, СК РФ, а так же некоторых вопросов определения подсудности, но нам, прежде всего, хотелось бы остановиться и особо выделить Статью 1 законопроекта, которая призвана изменить часть 3 статьи 42 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ. Инициатива направлена на придание ЕГРН большей достоверности и полноты путем отражения в реестре сведений об общей совместной собственности супругов на объекты недвижимости независимо кем из них было подано соответствующее заявление в РОСРЕЕСТР. То есть законодателями предложена регистрация права общей совместной собственности на имущество по заявлению одного из супругов или по инициативе госрегистрактора, при наличии у него оснований возникновения такого права в силу закона. [3] Если, применительно к практике, государственный регистратор после получения пакета документов для регистрации права собственности покупателя на недвижимость будет не только иметь право, но и обязан направить запросы в органы ЗАГС и в случае, если покупатель состоит в официальном браке, то будет автоматически регистрироваться право общей совместной собственности супругов. Проект является логичным и необходимым, особенно после принятия поправки в ГК РФ, а именно — новеллы

введенной Федеральным законом от 16.12.2019 № 430-ФЗ где содержится презумпция, что для признания покупателя объекта недвижимости добросовестным приобретателем ему, до подписания договора, достаточно обратиться в РОСРЕЕСТР и проверить сведения в ЕГРН и считать их достоверными.

Однако, необходимо выяснить, не игнорируются ли в этой инициативе конституционные права детей? Семья зачастую состоит не только из супругов, но и включает ребенка или нескольких. А в свете одобрения в ходе общероссийского голосования, прошедшего 1 июля 2020 года, Конституции Российской Федерации (принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.), а именно п.4, Статья 67.1 «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим...» [4], считаю, что согласно будущей норме к супругам в их равном праве на совместную собственность должны быть добавлены и дети. Тем более необходимо рассмотреть такую возможность чтобы пресечь дискриминацию единственных детей в семье и их фактическое ущемление в правах по сравнению с детьми, рожденными после принятия поправки, введенной Федеральным законом от 01.03.2020 N 35-ФЗ в часть 7, статьи 3. «Право на дополнительные меры государственной поддержки» Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 N 256-ФЗ [5], в получении совместного права на недвижимость если участвуют денежные средства так называемого — материнского капитала. А также эта мера защитит права детей в случае если «материнский капитал» фактически получен родителями и потрачен на предусмотренные законом нужды, но не связанные с приобретением жилья, и при этом жилье семьей фактически приобретено на высвободившиеся деньги.

Несколько интересных моментов этой ст. 1 Законопроекта № 835938–7 заключается на мой взгляд в том, что:

- 1) законодатель прописывает совместное владение недвижимым имуществом, но дальше этого в направлении выделения долей не идет,
- 2) не учитывается вопрос как быть, если брак был заключен за пределами Российской Федерации, ведь согласно Семейному Кодексу РФ, а именно Ст. 158 п.1 «Браки между гражданами Российской Федерации <...> заключенные за пределами территории Российской Федерации с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, признаются действительными в Российской Федерации... [6] и сведениями о таких браках органы ЗАГС РФ могут не располагать. В этом видятся своего рода «подводные камни» будущего закона с которыми может столкнуться его практическое правоприменение. Дискуссии в юридической среде по этому поводу

еще впереди и в перспективе закон в жизнь выйдет максимально адаптированным.

Также отмечу, что по оценочным данным экспертов в области законодательства и по оценке самого инициатора законопроекта П. В. Крашенинникова, инициатива в перспективе может воплотиться в Закон уже в течение 2021 года.

В заключение отметим, что хочется надеяться на принятие законопроекта № 835938–7 в виде максимально, однозначно понятной и определенной нормы устраняющей все возможные вопросы по данному поводу на долгое время, пока наше гражданское общество не эволюционирует в области семейно-материальных правоотношений и не перейдет на следующий этап своего правового развития. Так же добавлю, что эта новелла будет широко применяться и изменит нашу с вами жизнь в конечно же в лучшую сторону.

Литература:

1. Официальный интернет-портал Системы обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/> (дата обращения — 15.05.2020 г.);
2. Официальный интернет-портал Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www./> (дата обращения — 01.06.2020 г.);
3. Официальный интернет-портал Системы обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru/bill/> (дата обращения — 15.05.2020 г.);
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.)
5. (01 июля 2020 г.) // [Электронный ресурс]. «Официальный интернет-портал правовой информации» (<http://duma.gov.ru/>) дата опубликования 01.07.2020 г. (дата обращения — 15.07.2020 г.);
6. Официальный интернет-портал справочной правовой системы «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения — 15.06.2020 г.);
7. Официальный интернет-портал справочной правовой системы «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения — 15.06.2020 г.).

К вопросу о применении в гражданском судопроизводстве концепции бесспорных обстоятельств

Долгих Дарья Андреевна, студент
Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

Настоящая статья посвящена концепции бесспорных обстоятельств в гражданском процессе, как одному из инструментов современного цивилистического судопроизводства. В статье исследуются общеизвестные, преюдициальные, признанные и подтвержденные нотариусом бесспорные факты.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданский процесс, бесспорные обстоятельства, доказывание, предмет доказывания.

Основной целью гражданского судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел. Достижение вышеназванной цели возможно при условии точного установления фактических обстоятельств дела.

Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суду принадлежит право определения обстоятельств, имеющих значение для дела, стороны, которой надлежит их доказывать, вынесения данных обстоятельств на обсуждение, даже если стороны

на какие-либо из них не ссылались [2]. Тот круг обстоятельств, которые надлежит установить в ходе судебного разбирательства составляет предмет доказывания.

Однако не все обстоятельства (факты), имеющие значение для дела, подлежат доказыванию. В силу прямого указания закона такие обстоятельства (факты) признаются «бесспорными» и не требуют доказывания.

Согласно действующему гражданскому процессуальному законодательству, фактами, не нуждающимися в до-

казывании, являются общеизвестные факты (ч. 1 ст. 61 ГПК); преюдициальные факты (ч. 2 и ч. 4 ст. 61 ГПК); факты, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия (ч. 5 ст. 61 ГПК); факты, признанные противоположной стороной (ч. 2 ст. 68 ГПК).

Стоит уделить внимание каждому из оснований освобождения от доказывания.

Правило об исключении общеизвестных фактов из предмета доказывания было разработано еще римскими юристами и звучало как «*notorium non eget probatione*» [1, с. 187]. Большинство советских и современных ученых-процессуалистов, в том числе С. В. Курылев, выделяют два признака, характеризующих факт как общеизвестный — известность факта широкому кругу лиц и известность факта всем членам судебного разбирательства [5, с. 52].

Признание обстоятельства общеизвестным и, в силу последнего, не нуждающимся в доказывании является, в соответствии с ч. 1 ст. 64 ГПК РФ, исключительным правом суда. При этом, как указывает Е. А. Нахова, общеизвестность того или иного обстоятельства, является относительной категорией и зависит от времени, прошедшего с момента события, и степени распространенности определенных сведений [6, с. 181]. Стоит сказать, что перечень общеизвестных фактов достаточно обширный, в связи с чем их законодательная фиксация не представляется возможной. К таким фактам могут относиться различные знаменательные события, исключительные природные явления, свойства и признаки вещей и материалов, архитектурные особенности определенных местностей и т. д. Так, к примеру, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в силу ч. 1 ст. 61 ГПК РФ признала общеизвестным и, в связи с чем не нуждающимся в доказывании фактом то, что при уголовном преследовании каждый человек испытывает нравственные и физические страдания [7].

Преюдициальными обстоятельствами, по мнению Ю. В. Евсюковой, являются такие обстоятельства, которые не нуждаются в доказывании по причине того, что они были установлены вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассматривавшемуся делу [4, с. 718]. Однако преюдициальность распространяется лишь на тех лиц, которые участвовали в обоих процессах, что следует из судебной практики (субъективный предел преюдиции). Так, по решению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, дело было отправлено на новое рассмотрение, поскольку, по мнению суда, в связи с тем что ответчик не участвовал в рассмотрении дела, обстоятельства, установленные судебными актами, преюдициального значения не имеют и должны были доказываться сторонами и устанавливаться судом в соответствии с требованиями главы 6 ГПК РФ, чего сделано не было [8].

Литература:

1. Бабичев, Н. Т. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / под ред. Я. М. Боровского — 8-е изд. — Москва: Дрофа, 2008. — 987 с.

Преюдиция в гражданском судопроизводстве имеет также объективные пределы, которые заключаются, согласно мнению Г. Л. Осокиной, в том, что вступившее в законную силу решение суда, распространяется на строго определенные факты и правоотношения [9, с. 526].

На основании ч. 5 ст. 61 ГПК РФ бесспорными обстоятельствами признаются также обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в установленном ст. 186 ГПК РФ порядке или не установлено существенного нарушения порядка совершения нотариального действия. А. В. Грядов указывает, что в данном случае имеет место нормативное закрепление концепции особой доказательственной силы нотариальных актов, реализуемой в странах латинской системы нотариата [3]. Подразумевается, что данное основание распространяется только на неопровержимо достоверные нотариальные акты, то есть акты, при совершении которых были обеспечены соответствующие условия на уровне материального законодательства (нотариусом проведена экспертиза законности удостоверяемых документов, дееспособности граждан и т. д.).

Последним основанием освобождения от доказывания является признание фактов противоположной стороной. Согласно ч. 2 ст. 68 ГПК РФ, в случае признания стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, последняя освобождается от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств. Суд при этом на основании п. 3 вышеназванной статьи обладает правом непринятия признания, если у него имеются сомнения относительно сделанного признания. А сторона, сделавшая признание, в свою очередь, обладает правом отказаться от него в любой момент без объяснения причин отказа.

Определенной разновидностью признанных фактов, по мнению А. В. Юдина, являются факты умолчания (молчаливое признание), когда обе стороны молчаливо признают их таковыми [10, с. 5]. То есть, молчание истца, ответчика и иных лиц, участвующих в деле, относительно какого-либо факта придает ему признак бесспорности. Однако такое основание не имеет юридической силы, так как никоим образом не закреплено в действующем процессуальном законе.

Таким образом, концепция бесспорных обстоятельств нашла свое отражение в российском гражданском процессуальном законодательстве и широко применяется судами. Бесспорные обстоятельства являются неотъемлемым элементом гражданского процесса современности. Для того чтобы то или иное обстоятельство не требовало доказывания оно должно быть надлежащим образом закреплено в процессуальном законе и обязательно признано судом.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Грядов, А. В. Доказательственная сила нотариального акта в праве России и Франции: сравнительно-правовое исследование: дис. кандидат юридических наук: 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс» / Грядов Алексей Валерьевич. — Екатеринбург, 2011. — 359 с.
4. Евсюкова, Ю. В. Преюдиция гражданском процессе Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения / Ю. В. Евсюкова. // Молодой ученый. — 2015. — № 8 (88). — С. 718–721.
5. Кувырлев, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С. В. Кувырлев. — Минск: БГУ им. В. И. Ленина, 1969. — 203 с.
6. Нахова Е. А. Доказательное право в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве / Е. А. Нахова. — СПб: ВВМ, 2017. — 405 с.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.03.2019 N 78-КГ18–82 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.04.2018 N 117-КГ18–6 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Осокина Г. Л. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть: учебное пособие / Г. Л. Осокина. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. — 616 с.
10. Юдин, А. В. Молчание — знак согласия? / А. В. Юдин. // ЭЖ-Юрист — 2010. — № 41 — С. 5.

Роль нотариуса в удостоверении медиативного соглашения

Ермакова Анна Денисовна, студент магистратуры

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (г. Вологда)

Данная статья освещает роль нотариуса в процессе удостоверения медиативного соглашения. Автор анализирует законодательство о медиации и о нотариате, исследует их взаимовлияние и возможность комплексного применения, а также анализирует последние публикации на вышеуказанную тему.

Ключевые слова: нотариус, медиация, медиативное соглашение, исполнительный документ, юридический спор.

Проблема высокой загруженности судов в Российской Федерации в последнее время становится более актуальной в связи с постоянно растущим количеством споров. Именно по этой причине в России активно развивается относительно новый, но при этом хорошо зарекомендовавший себя за рубежом, альтернативный способ разрешения правовых конфликтов — медиация.

Во исполнение Перечня поручений № Пр-2042 от 06.10.2017, утвержденного Президентом Российской Федерации, Правительству Российской Федерации совместно с Верховным Судом Российской Федерации было поручено рассмотреть вопрос, касающийся совершенствования регулирования примирительных процедур. В 2018 году Министерством Юстиции Российской Федерации под председательством заместителя министра юстиции Д. Н. Новака был проведен ряд совещаний по вопросу совершенствования регулирования примирительных процедур, где в том числе обсуждался вопрос участия нотариата в сфере медиации.

По итогам совещаний был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который напрямую затрагивал вопрос обеспечения внесудебного порядка исполнения обязательств сторон медиативного соглашения. В данном законодательном акте предусма-

тривается, что медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа.

Изменения, вносимые в Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» устанавливают, что нотариально удостоверенные медиативные соглашения или их нотариально засвидетельствованные копии являются исполнительными документами, направляемыми (предъявляемыми) судебному приставу-исполнителю.

Данные изменения позволяют снизить нагрузку на судебные органы, поскольку у участников медиативного соглашения, удостоверенного нотариально, не возникает необходимости обращаться в судебные органы за защитой своих прав в случае их нарушения другими участниками такого соглашения, а также гарантируется возможность требовать исполнения условий соглашения, достигнутых в результате проведения медиации.

Придание медиативному соглашению, удостоверенному нотариально, силу исполнительного листа является одним из способов, обеспечивающих разгрузку судов от тех дел, которые могут быть так же эффективно разрешены во внесудебном порядке.

В том числе, придание нотариально удостоверенному медиативному соглашению силу исполнительного листа позволяет снизить риск негативных последствий, например, злоупотребления правами недобросовестными участниками спора, что в свою очередь будет способствовать формированию повышенного правосознания у граждан. Данный вывод основывается на положительном опыте зарубежных стран, в которых нотариальный акт имеет исполнительную силу в соответствии с законом или в случае прямого указания в тексте нотариального акта (Испания, Нидерланды, Германия) [4].

Согласно ст. 59.1 Основ законодательства о нотариате, Медиативное соглашение удостоверяется с обязательным участием медиатора, медиаторов, медиатора-представителя организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, в соответствии с соглашением сторон о проведении процедуры медиации. Участие медиатора при удостоверении медиативного соглашения является дополнительным механизмом защиты сторон спора, а также упрощает само нотариальное удостоверение.

Участие медиатора при удостоверении медиативного соглашения служит дополнительным механизмом защиты сторон спора, упрощает удостоверение нотариусом такого медиативного соглашения.

Присутствие медиатора при удостоверении нотариусом медиативного соглашения позволяет сократить время совершения такого нотариального действия. Медиатор в силу возложенных на него полномочий при урегулировании спора обладает наиболее полной информацией о сторонах и о самом споре, его предмете, о том, каких позиций придерживаются стороны, об их истинных намерениях и добросовестности, добровольности при заключении медиативного соглашения.

Присутствие медиатора при удостоверении медиативного соглашения позволяет свести к минимуму необходимость истребования нотариусом дополнительных сведений, необходимых для удостоверения соглашения, позволит упростить получение нотариусом информации, необходимой для удостоверения такого соглашения.

Зарубежный опыт показывает, что во многих странах с латинской моделью нотариата прогрессирует развитие участия нотариуса в медиации (Австрия, Германия, Нидерланды, Республика Беларусь и др.). Являясь активным участником процедуры медиации, нотариус достаточно эффективно заменяет собой судебные органы в целом ряде вопросов, делая указанную процедуру более доступной для граждан и юридических лиц.

Тем не менее, среди Российских субъектов законодательной инициативы не нашел единого мнения вопрос о наделении нотариусов правом осуществления деятельности медиаторов.

Несмотря на то, что нотариальная деятельность по своему характеру достаточно близка к деятельности медиатора, так как принципы и характерные для медиатора черты (соблюдение нейтралитета, незаинтересованность, беспристрастность и независимость) явля-

ются неотъемлемыми характеристиками нотариальной деятельности.

Противники данного новшества предполагают возможным возникновение конфликта интересов, когда нотариус будет выступать в роли медиатора и одновременно удостоверяет медиативное соглашение.

Однако, такая роль выпадает нотариусу при удостоверении алиментных соглашений, по своей сути они довольно близки к медиативным соглашениям, так как формально алиментное соглашение — это соглашение между плательщиком и получателем алиментов, которое позволяет избежать обращения одной из сторон в суд [5].

По мнению О. В. Романовской, использование возможностей нотариуса как медиатора и примирителя может предотвратить эскалацию конфликта [6]. В спорной ситуации посредническая деятельность нотариуса способна не только сблизить позиции сторон, но и избавить их от длительной процедуры судебного разбирательства.

Между тем, согласно закону медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда, может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения, которое имеет те же правовые последствия, что и решение суда, а именно: в случае отказа стороны от добровольного исполнения его условий оно подлежит принудительному исполнению [7].

Таким образом, удостоверенное нотариусом медиативное соглашение приобретает силу исполнительного документа, и в случае уклонения одной из сторон от исполнения его условий появляются основания для применения мер принудительного исполнения медиативного соглашения.

Изменения в сфере примирительных процедур, вступившие в силу в октябре 2019 года, коснулись такого важного аспекта, как обеспечение возможности принудительного исполнения медиативного соглашения. Так, Федеральным законом от 26 июля 2019 г. N 197-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и Основы законодательства о нотариате от 11 февраля 1993 г. N 4463-1 [9].

В соответствии с данными изменениями медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате проведения медиации, может быть удостоверено нотариально (ст. 59.1 Основ о нотариате) и в таком случае будет являться исполнительным документом (п. 3.1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона N 229-ФЗ).

Медиация — процедура добровольная и достаточно неформализованная. Содержание медиативного соглашения может быть весьма разнообразным. В этих условиях можно говорить о том, что медиативное соглашение необязательно будет включать в себя обязанность совершить определенные действия или воздержаться от них (либо наряду с ними будет содержать иные положения).

Шереметова Г. С. полагает, что медиативное соглашение может быть удостоверено нотариально для целей принудительного исполнения только при условии на-

личия упомянутого «предмета исполнения», т. е. обязанности совершения действий или воздержания от них. В иных случаях медиативное соглашение просто не может быть исполнено посредством применения Федерального закона N 229-ФЗ, а следовательно, не должно относиться к исполнительным документам [10].

По мнению Илюшиной М. Н. нотариус должен проверить суть спора, который подвергается разрешению в медиативном соглашении. Особого внимания требует решение вопроса о возможности применения в нотариальной практике медиативных соглашений, содержащих элементы различных договоров, т. е. по сути смешанных договоров.

Следовательно, можно утверждать, что в отношении медиативных соглашений, содержащих элементы различных гражданско-правовых договоров, как типизированных, так и нетипизированных, проверочные действия

нотариуса подчиняются общим правилам нотариального удостоверения гражданско-правовых сделок, предусмотренным ст. 421, 163 Гражданского кодекса [1]. Основами законодательства о нотариате и Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий [3], устанавливающим объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксации [8].

В заключение следует сказать, что несмотря на некоторые неурегулированные вопросы, которые могут возникнуть при удостоверении нотариусами медиативных соглашений, возможность их нотариального удостоверения и придание им силы исполнительного документа могут сыграть позитивную роль в развитии юридической практики, снижении общей нагрузки на суды и популяризации процедуры медиации среди граждан и юридического сообщества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020);
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.05.2020).
3. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий. Приказ Минюста России от 30 августа 2017 г. N 156 (ред. от 05.07.2019). СПС «КонсультантПлюс».
4. Типовой закон Комиссии ООН по праву международной торговли «О международной коммерческой согласительной процедуре» (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи от 19.11.2002 № 57/18). URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/annex_ii_-_r.pdf.
5. Ксенофонтова Д. С. Нотариальное удостоверение соглашения об уплате алиментов как правовая гарантия осуществления и защиты прав и интересов субъектов алиментного правоотношения // Нотариус. 2014. № 4. С. 19–22.
6. Романовская О. В. Российский нотариат и современные проблемы семейного права // Нотариус. 2015. № 4. С. 23–27.
7. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.04.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 6.
8. Илюшина М. Н. Актуальные вопросы нотариального сопровождения медиативного соглашения // Гражданское право. 2020. № 3. СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление ВС РФ от 11 февраля 1993 г. N 4463-1 (ред. от 26.04.2007) «О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Шереметова Г. С. Медиативное соглашение как исполнительный документ // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 2. СПС «КонсультантПлюс».

Процессуальное значение заключения эксперта в гражданском и арбитражном процессе, административном судопроизводстве: проблемы использования

Лезнева Анна Федоровна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье автор рассматривает теоретические основы классификации доказательств, анализирует судебную практику на предмет использования заключения эксперта, как способа доказывания по гражданским и арбитражным делам, делам об административных правонарушениях, проблемы, возникающие на практике.

Ключевые слова: заключение эксперта, РФ, суд, дело, доказательство, назначение экспертизы.

Рассмотрение в суде гражданского, арбитражного или административного дела не может быть реализовано без предоставления доказательств, их оценки.

Ч.1 ст. 55 ГПК РФ [2], установлено, что доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Аналогичное определение дано ч.1 ст. 64 АПК РФ [1], ч.1 ст. 59 КАС РФ [3].

Судебные доказательства — это сведения о фактах, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, полученные в установленном законом порядке из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов [5].

Судебные доказательства служат средством установления фактических обстоятельств дела. Поэтому сведения о фактах составляют ядро судебных доказательств. По содержанию сведения о фактах должны правильно отражать обстоятельства, имеющие значение для дела. Ложные или ошибочные показания свидетелей, заключения экспертов, подложные документы и т. д. не являются фактическими данными и не имеют доказательственного значения. Использование в качестве доказательств недостоверных сведений ведет к вынесению незаконных решений, к судебным ошибкам. Поэтому задача суда — проверить достоверность доказательств, представленных в суд [7].

В целях получения более глубокого знания о доказательствах проводится их классификация. Деление доказательств производится по какому-либо существенному признаку, позволяющему выявить между ними различия и сходства. Признак, по которому осуществляется деление на виды, называется основанием классификации. В процессуальной науке наиболее распространенной является следующая классификация доказательств. По характеру связи содержания доказательств с доказываемым фактом они делятся на прямые и косвенные. По процессу формирования сведений о фактах доказательства подразделяются на первоначальные и производные. По источнику доказательств они подразделяются на личные и предметные в зависимости от того, является ли источником доказательства человек или материальный

объект. К личным доказательствам относятся объяснения сторон, третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов. К предметным — письменные, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи. Следует отметить, что в процессуальной науке высказываются и другие точки зрения относительно классификации доказательств по их источнику. Так, к личным доказательствам, кроме объяснений сторон, третьих лиц, показаний свидетелей и заключений экспертов, отдельные авторы относят еще и письменные доказательства, поскольку они всегда исходят от конкретных лиц, и не имеет значения, что содержание закреплено на материальном объекте [6].

Одним из средств доказывания, предусмотренных ч. 1 ст. 55 ГПК РФ [2], ч. 2 ст. 64 АПК РФ [1] и ч. 2 ст. 59 КАС РФ [3], является заключение эксперта, которое представляет собой результат исследования, проведенного лицом, обладающим специальными знаниями, с целью получения новых сведений об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Довольно длительное время в юридической доктрине господствовало мнение, в соответствии с которым специальные знания в первую очередь следует отграничивать от знаний, относящихся к области права, которыми обладают судьи и должны их применять в процессе разрешения конкретных дел. Из этого положения вытекает общепризнанный запрет назначения в гражданском, арбитражном процессах и административном судопроизводстве экспертизы для разрешения правовых вопросов, в том числе касающихся содержания и порядка применения норм иностранного права, поскольку эксперт привлекается судом для установления конкретных фактов, а не для разрешения вопросов права. Причем такая позиция относительно сущности специальных знаний, основываясь на нормах действующего процессуального законодательства, сохраняет свое главенствующее положение и в современной процессуальной литературе, а также поддерживается судебной практикой [7].

В современной теории процессуального права заключение эксперта принято относить в категории первичного доказательства, в общей классификации доказательств. Т. е. заключение эксперта, это доказательство, которое формируется в результате непосредственного воздействия искомого факта на носитель информации. Во всяком случае, именно такое определение первичного доказательства дается в литературе [6].

Как средство доказывания, в соответствии с ч. 1 ст. 55 ГПК РФ [2], ч. 2 ст. 64 АПК РФ [1] и ч. 2 ст. 59 КАС РФ [3], заключение эксперта, представляет собой результат исследования, проведенного лицом, обладающим специальными знаниями, с целью получения новых сведений об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Назначение экспертизы, как процессуального действия, результатом которой будет являться заключение эксперта, регламентируется ст. 79 ГПК РФ [2], ст. 82 АПК РФ [1], ст. 77 КАС РФ [3]. В случае возникновения в ходе рассмотрения гражданского, арбитражного или административного дела вопросов, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу, которая может быть поручена экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам.

Например, при рассмотрении гражданского дела о признании права собственности на самовольную постройку, необходимо разрешить вопрос о сохранении самовольно возведенного строения. Так как суд, может признать данное право за истцом в случае соблюдения ряда условий, в том числе, в случае соответствия строительной-техническим нормам, что позволяет сделать вывод о безопасности эксплуатации постройки. Истцу необходимо доказать факт безопасности, следовательно, без заключения эксперта в данной области не обойтись ни истцу, ни суду при рассмотрении дела.

По сложившейся практике рассмотрения данной категории гражданских дел, указанное заключение передается суду на стадии подачи искового заявления, т. е. у суда уже есть возможность предварительно ознакомиться с доказательством.

По делу № 2–3763/2020 [11] Ангарским городским судом Иркутской области вынесено решение об удовлетворении требований истца о признании за ним права собственности на самовольную постройку, жилой дом. Выводы суда основаны на предоставленных истцом заключении эксперта, заключении специалиста. Данные доказательства были получены истцом самостоятельно, судом процессуальные действия по назначению экспертизы не проводились. Суд, принимает данные доказательства, как допустимые. Оценивая заключение эксперта в соответствии со ст. 67 ГПК РФ, суд полагает, что данное заключение является допустимым доказательством, так как оно выполнено специалистом, который имеет соответствующую квалификацию и образование. Выводы специалиста подробно мотивированы с указанием используемой литературы, подходов и методов, применяемых при оценке. Доказательств, указывающих на недостоверность проведенного исследования, либо ставящих под сомнение его выводы, суду не представлено.

Автор, считает, с точки зрения процессуального действия, данное заключение недопустимо. Так как не соответствует процессуальному требованию о его назначении и получении, а также того факта, что ответчик не участвовал в вопросе о назначении экспертизы, соответственно не мог предложить эксперту на разрешение свои вопросы.

Каждая сторона должна доказать обстоятельства, на которые она ссылается. Законодатель возложил данное обязательство не только на истца, но и на ответчика. Следовательно, в аналогичных гражданских делах в случае, если ответчик не проявляет настойчивого интереса к тому, чтобы в иске истцу было отказано, указанный формат заключения эксперта и специалиста, как доказательства, допустим. Однако, истцу, его представителю или адвокату, по мнению автора, разумнее заявить о проведении экспертизы в процессе рассмотрения гражданского дела.

В случае отсутствия договора подряда или признания его незаключенным стоимость выполненных работ можно установить заключением эксперта.

В Определении ВАС РФ от 05.02.2010 N ВАС-9393/09 по делу N А34–693/2008, указано, что суды при рассмотрении дела, применив положения статей 432, 708, 740 Гражданского кодекса Российской Федерации, дали правовую оценку спорным договорам, признав их незаключенными, указав на отсутствие в этих договорах существенных условий, необходимых для договоров данного вида. При этом суды пришли к выводу о том, что между сторонами сложились внедоговорные подрядные отношения, регулируемые положениями главы 37 Гражданского кодекса Российской Федерации. С учетом проведенной по настоящему делу судебной строительно-технической экспертизы, суды, установив факт неоплаты предпринимателем выполненных работ, взыскали с него указанную сумму [12].

Другой вопрос, связанный с применением заключения эксперта, как доказательства, касается арбитражного процесса. Согласно ч. 1 ст. 82 АПК РФ [1] для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, арбитражный суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле. В случае, если назначение экспертизы предписано законом или предусмотрено договором либо необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства, либо если необходимо проведение дополнительной или повторной экспертизы, арбитражный суд может назначить экспертизу по своей инициативе.

Данная норма не является новой, однако на практике суды нередко отказывают в проведении экспертизы. Анализ практики высшей судебной инстанции показывает, что нарушение или неправильное применение данной нормы процессуального права достаточно часто является основанием для отмены судебных актов. При этом в большинстве случаев Судебная коллегия ВС РФ указывает на необоснованный отказ суда в удовлетворении ходатайства о проведении экспертизы, на то, что такой отказ лишает сторону процесса возможности реализации принадлежащих ей процессуальных прав и обязанностей по доказыванию возражений на иск, имеющих существенное значение для дела, а также на то, что проведение экспертизы является необходимым усло-

вием вынесения законного и обоснованного судебного акта [8].

Как указано в п. 3 Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 N 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», если при рассмотрении дела возникли вопросы, для разъяснения которых требуются специальные знания, и согласно положениям Кодекса экспертиза не может быть назначена по инициативе суда, то при отсутствии ходатайства или согласия на назначение экспертизы со стороны лиц, участвующих в деле, суд разъясняет им возможные последствия не заявления такого ходатайства (отсутствия согласия). В случае если такое ходатайство не поступило или согласие не было получено, оценка требований и возражений сторон осуществляется судом с учетом положений статьи 65 АПК РФ о бремени доказывания исходя из принципа состязательности, согласно которому риск наступления последствий несовершения соответствующих процессуальных действий несут лица, участвующие в деле (часть 2 статьи 9 Кодекса) [4].

Следовательно, при рассмотрении арбитражного дела, суд не остается сторонним наблюдателем, а опосредованно принимает участие в процессе доказывания, что имеет существенное отличие от гражданского процесса.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в Определении от 31 марта 2016 г. N 305-ЭС15-16158 обратила внимание на то, что при рассмотрении спора судом не предлагалось сторонам рассмотреть вопрос о назначении экспертизы и не разъяснялись правовые последствия несовершения такого процессуального действия. Таким образом, суду следует прежде всего изучить доводы и возражения лиц, участвующих в деле. Если экспертиза не может быть назначена по инициативе суда и необходимо волеизъявление лиц, участвующих в деле, суд должен, во-первых, указать на необходимость проведения судебной экспертизы по возникшим вопросам, которые требуют специальных знаний и имеют непосредственное отношение к предмету доказывания по делу, во-вторых, разъяснить правовые последствия не заявления соответствующего ходатайства [8].

Анализ практики рассмотрения дел об административных правонарушениях, а также процессуальных положений КоАП РФ, позволяет заключить, что основным видом процессуальной формы использования специальных знаний в административно-юрисдикционном процессе, является судебная экспертиза. Ее сущность состоит в анализе по заданию судьи, органа или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, сведущим лицом — экспертом — предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы (вещественных доказательств), а также различных документов с целью установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела. По результатам исследования эксперт составляет заключение, которое служит одним из предусмотренных законом источников

доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нем, — доказательствами [9].

В отличие от АПК РФ, кодекс административного судопроизводства, а также ГПК РФ содержат положение, согласно которому в случае уклонения стороны от участия в экспертизе, непредставления экспертам необходимых документов и материалов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам административного дела без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для данной стороны экспертиза имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым [3].

С точки зрения практики применения, возможность доказать позицию по делу с помощью проведения судебной экспертизы, безусловно важна. Но полученное в результате исследования экспертное заключение суду необходимо оценить. В этом случае правильная квалификация заключения эксперта в общей классификации доказательств имеет очень важное значение, поскольку позволяет более качественно подходить к определению допустимости и достаточности доказательств.

По общему правилу заключение эксперта принято относить к личному, первичному виду доказательств. По признаку источника доказательств, некоторые ученые относят заключение эксперта к смешанному виду доказательств.

Такая точка зрения обосновывается тем, что информация о фактах извлекается из двух источников — личного и вещественного. Так, эксперт, изучая предмет, преобразует полученные из этого источника вещественного доказательства сведения, сам становится источником личного доказательства — заключения эксперта [6].

В пользу данного факта высказывался В. В. Ярков, толкование заключения эксперта с точки зрения источника формирования доказательств, неоднозначно. Само заключение эксперта составляется в письменной форме, отсюда оно должно быть отнесено к вещественному доказательству. В то же время эксперт, давший письменное заключение, может быть допрошен в суде. В этом случае показания эксперта — доказательство личного характера. Эта двойственность природы формирования доказательства делает возможным говорить о смешанном характере заключения эксперта, который соединяет вещественные и личные источники формирования [5].

По мнению Д. В. Гончарова и И. В. Решетниковой, заключение эксперта можно в равной степени отнести как к личным (ибо проводит исследование и составляет заключение конкретное лицо — эксперт), так и к вещественным доказательствам (ибо результат исследования материализуется в форме письменного заключения) [10].

Суд оценивает заключение эксперта, как специалиста, при этом не дает описания и оценки заключению как документу, ведь передано оно в материалы дела истцом, а не поступило от эксперта непосредственно.

При исследовании судебной практики автор выявил, в качестве доказательства безопасности самовольной постройки и необходимости ее сохранения, судом принимается акт объемно-планировочных решений, выполненный сторонней проектной организацией. Данное доказательство оценивается судом как достаточное и допустимое. При этом, по мнению автора, оценка дается документу, как вещественному доказательству, а не заключению, как источнику, основанному на специальных знаниях. Т. е. указанный акт ставится по доказательственной ценности наравне с заключением эксперта. Тогда как указанный акт является частью проектной документации, и не может выступать как доказательство безопасности уже построенного сооружения. По делу № 2–280/2020 Решение Ангарского городского суда № 2–280/2020 2–280/2020 (2–6175/2019); ~М-5579/2019 2–6175/2019 М-5579/2019 от 12 февраля 2020 г. [13], по делу № 2–223/2020 Решение Ангарского городского суда № 2–223/2020 2–223/2020 (2–5989/2019); ~М-5365/2019 2–5989/2019 М-5365/2019 от 28 января 2020 г. [14] судом дана оценка доказательству, указывающему на безопасность возведенных строений, суд находит их достоверными, так как указанные органы не заинтересованы в результатах рассмотрения дела, их заключения объективны, основаны на технических, санитарных, противопожарных нормах и правилах. Согласно заключению в Акте технического освидетельствования строения не нарушают права и за-

конные интересы граждан и не создают угрозу их жизни и здоровью.

По нашему мнению, в указанных гражданских делах суд принимает недопустимое доказательство, как первичное, в действительности не отражающее реальной ситуации о безопасности строений, и наряду с другими доказательствами оно положено в основу решения суда.

Заключение эксперта всегда связано с другими доказательствами по делу, так как является результатом их специального исследования. Несмотря на это, экспертное заключение относится к первоначальным, а не к производным доказательствам, поскольку эксперт не просто воспроизводит факты, а анализирует их на основе специальных познаний, предоставляя в распоряжение суда свои выводы — первичную информацию о фактах. Эти особенности экспертного заключения, вкуче с формой выводов эксперта (категоричных или вероятных), и определяют его доказательственную ценность [10].

По мнению автора, проанализированные факты, дополнительно указывают на необходимость более детального и глубокого подхода к исследованию классификации доказательств. К выработке на практике более конкретизированных подходов к определению и принятию такого вида доказательства, как заключение эксперта, зачастую решающего при рассмотрении как гражданских и арбитражных дел, так и дел по административным правонарушениям.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собр. законодательства РФ. 2002. N 30. Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта.2015 г. N 21-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собр. законодательства РФ. 2015. N 10. Ст. 1391.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 N 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» [Электронный ресурс], Доступ из СПС «Консультант Плюс».
5. Гражданский процесс: Учебник для студентов высших юридических учебных заведений. [Электронный ресурс] / под ред. В. В. Ярков. — 10-е издание, переработанное и дополненное. «Статут», 2017. Доступ из СПС Консультант плюс.
6. Гражданский процесс: учебник [Электронный ресурс] / под ред. М. К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Доступ из СПС Консультант Плюс. (гл. 15, § 2)
7. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство. [Электронный ресурс] 2-е издание, переработанное и дополненное /под ред. М. А. Фокиной, «Статут», 2019, Доступ из СПС Консультант плюс. (гл. 1, § 2,)
8. Особенности арбитражного производства: учебно-практическое пособие. [Электронный ресурс] под ред. И. В. Решетниковой. «Юстиция», 2019, Доступ из СПС «Консультант Плюс». (гл. 6)
9. Кузякин, Ю. П. Проблемы совершенствования правового регулирования производства судебных экспертиз по делам об административных правонарушениях / Ю. П. Кузякин, Е. П. Россинская. — Текст: электронный // Журнал российского права. — 2005. — № 10. — С. 45–57. www.elibrary.ru (дата обращения: 27.10.2020).
10. Епатко, М. Ю. Оспаривание экспертного заключения в арбитражном (гражданском) процессе / М. Ю. Епатко. — Текст: электронный // Арбитражные споры. — 2014. — № 2. Доступ из СПС Консультант плюс.
11. По делу № 2–3763/2020 [Электронный ресурс]: решение Ангарского городского суда от 28 сентября 2018 г. — URL: <https://sudakt.ru> (дата обращения 08.10.2020).
12. По делу N А34–693/2008 [Электронный ресурс] Определении ВАС РФ от 05.02.2010 N ВАС-9393/09. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

13. По делу № 2–280/2020 Решение Ангарского городского суда № 2–280/2020 2–280/2020 (2–6175/2019;) ~М-5579/2019 2–6175/2019 М-5579/2019 от 12 февраля 2020 г. <https://sudact.ru>, дата обращения 08.10.2020 г.
14. По делу № 2–223/2020 Решение Ангарского городского суда № 2–223/2020 2–223/2020 (2–5989/2019;) ~М-5365/2019 2–5989/2019 М-5365/2019 от 28 января 2020 г. <https://sudact.ru>, дата обращения 08.10.2020 г.

Соотношение несправедливых договорных условий со смежными правовыми понятиями

Лисицкая Александра Юрьевна, юрист

ООО «Северо-Западная Строительная Компания СПб» (г. Санкт-Петербург)

Понятие несправедливых договорных условий в Гражданском кодексе Российской Федерации не закреплено, тем не менее, в законе используются схожие термины, такие как «обременительные условия», «невыгодные условия», «условия, ущемляющие права» и т. д. В статье проведен анализ позиций судов и ученых относительно соотношения несправедливых договорных условий с обременительными условиями (статья 428 ГК РФ) и невыгодными условиями договора (статья 179 ГК РФ).

Ключевые слова: договор, несправедливые договорные условия, контроль над несправедливыми условиями договора, слабая сторона договора.

The relation of unfair contractual conditions with related law notions

The notion of unfair contractual conditions in the Civil Code is not fixed, however, the similar terms such as “exacting terms”, “disadvantages”, “conditions prejudicing rights” and others are used in the law. In this article the author undertook the analysis of the positions of courts and scientists regarding the relations of unfair contractual conditions with exacting terms (the article 428 of the Russian Civil Code and disadvantages (the article 179 of the Russian Civil Code).

Keywords: contract, unfair contractual conditions, control over unfair contract terms, weaker party of contract.

В Российском законодательстве понятие «несправедливые договорные условия» не закреплено, однако в Гражданском кодексе Российской Федерации и других законодательных актах используются схожие термины: «явно обременительные условия», «крайне невыгодные условия», «условия, ущемляющие права» и т. д.

Впервые в судебной практике исследуемое нами понятие получило определение в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах». ВАС РФ указал, что несправедливыми являются формально законные, но явно обременительные для одной из сторон и существенным образом нарушающие баланс интересов участников договора условия.

Выделяют два обязательных признака, характеризующих несправедливые договорные условия:

- содержательный признак, который предполагает, что условие договора не противоречит закону, но является обременительным для одной стороны договора и существенным образом нарушает баланс интересов сторон;
- процедурный признак, подразумевающий, что несправедливое условие было включено в договор в результате недобросовестного поведения стороны, которая разработала условия, навязав свою волю слабой стороне договора [13, с. 155].

В российской правоприменительной практике не до конца сформировано понимание института несправедливых договорных условий, поэтому задачей настоящей статьи является анализ точек зрения относительно соотношения понятия «несправедливые договорные условия» со смежными правовыми понятиями, такими как «явно обременительные условия» в контексте статьи 428 ГК РФ и «крайне невыгодные условия» по смыслу статьи 179 ГК РФ.

В п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» суд указал на возможность применения пункта 2 статьи 428 ГК РФ к регулированию несправедливых договорных условий. Указанная норма предусматривает право суда по иску присоединившейся стороны расторгнуть или изменить договор, если при его заключении слабой стороне были навязаны явно обременительные условия. По мнению ученых, регулирование несправедливых договорных условий имплицитно уже присутствует в статье 428 ГК РФ. Еще в 1995 г. В. В. Витрянский отмечал, что по замыслу авторов ГК РФ, норма о договоре присоединения должна была осуществлять функцию контроля над справедливостью условий договора [1]. Тем не менее, в п. 2 статьи 428 ГК РФ отсутствует указание на несправедливость регулируемых данной нормой условий. Единственным признаком, упомянутым как в п. 9 Постановления ВАС РФ «О свободе

договора и ее пределах», так и в п. 2 статьи 428 ГК РФ, является явная обременительность договорных условий.

Проведем сравнение квалифицирующих признаков несправедливых договорных условий и признаков, присущих явно обременительным условиям договора в контексте статьи 428 ГК РФ.

Во-первых, обстоятельства, которые служат основанием для расторжения или изменения договора присоединения (содержащего явно обременительные условия) и договора с несправедливыми условиями, не связаны с незаконностью договора или его отдельных условий [2]. И несправедливые и явно обременительные условия договора формально не противоречат императивным нормам права.

Во-вторых, Пленум ВАС РФ в Постановлении «О свободе договора и ее пределах» прямо указал на критерий явной обременительности как квалифицирующий признак несправедливого договорного условия. Обременительность является оценочным понятием. По мнению А. И. Савельева, «критерий явной обременительности закрепляет принцип справедливости договорных условий как идею сбалансированности прав и обязанностей сторон».

Однако в статье 428 ГК РФ отсутствует процедурный признак несправедливости условия договора, то есть отсутствует указание на недобросовестное поведение стороны в определении явно обременительного условия договора. Тем не менее, при анализе положений статьи 428 ГК РФ ученые приходят к обратному выводу. Например, по мнению Ю. Б. Фогельсона признак недобросовестности имплицитно раскрывается в п. 2 ст. 428 ГК РФ с помощью формулировки «сторона, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не согласилась бы на такие условия, если бы могла принять участие в их согласовании», которая описывает ситуацию «навязывания» контрагенту условий договора [16, с. 46]. А. А. Клочков также полагает, что признак недобросовестности присущ явно обременительным условиям, однако он не отражен в тексте статьи 428 ГК РФ [8].

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о тождественности понятий «несправедливые договорные условия» и «явно обременительные условия» в контексте статьи 428 ГК РФ.

В доктрине распространена точка зрения, согласно которой крайне невыгодные условия кабальных сделок (п. 3 статьи 179 ГК РФ) являются разновидностью несправедливых условий договора.

В науке и правоприменительной практике отмечается, что для признания сделки недействительной по мотиву ее кабальности, она должна обладать одновременно тремя признаками: она совершена потерпевшим на крайне невыгодных для него условиях; из-за стечения тяжелых обстоятельств; при сознательном недобросовестном использовании другой стороной сделки этих обстоятельств [15]. Самостоятельно каждый из этих признаков не является основанием для признания сделки недействительной (Апелляционное определение Пензенского областного

суда от 05.12.2017 по делу № 33–4066/2017; Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 28 октября 2013 г. по делу № 33–3880).

В литературе отсутствует единая позиция по поводу толкования понятия «крайняя невыгодность» кабальной сделки. По мнению Ф. С. Хейфец, крайняя невыгодность означает «очевидную неравноценность получаемых по сделке благ и встречного удовлетворения за них» [17]. М. В. Кротов пишет, что «невыгодность проявляется в несоответствии уплачиваемой цены и реальной стоимости продаваемой вещи» [3, с. 307]. А. В. Зарубин также полагает, что категория «невыгодность» — это экономическое, а не правовое понятие [5, с. 148].

М. А. Рожкова утверждает, что «крайне невыгодными» для потерпевшей стороны могут быть не только цена сделки, но и содержание услуг, сроки исполнения по сделке и т. п. [15]. Солидарную точку зрения выражает А. Г. Карапетов. По его мнению, включение в статью 179 ГК РФ понятия «невыгодные условия» является терминологической ошибкой. В данной статье должна идти речь о явно несправедливых, а не невыгодных условиях [6]. Похожая позиция выработана судами. Так, в Определении от 16.11.2016 по делу № 305-ЭС16–9313 Верховный суд Российской Федерации указал, что крайне невыгодными могут быть признаны условия, не соответствующие интересу потерпевшего лица и существенно отличающиеся от условий аналогичных сделок.

Под тяжелыми обстоятельствами необходимо понимать любые чрезвычайные обстоятельства (острой нужды, тяжелой болезни, крайней необходимости и т. п.), влекущие за собой необходимость совершения сделки на любых условиях [8, с. 67]. Считаем, что признак стечения тяжелых жизненных обстоятельств опосредует ситуацию явного неравенства переговорных возможностей. В силу указанных факторов слабая сторона договора не может влиять на формирование его условий.

Среди квалифицирующих признаков кабальной сделки выделяют и ее недобросовестность. Так, по мнению В. Ф. Яковлева: «Причиной недействительности кабальной сделки является именно нарушение принципа возмездности, эквивалентности, равновесия прав в результате недобросовестного использования одной стороной затруднительных обстоятельств, которые воздействовали на другую сторону» [20]. С этой точкой зрения солидарна и другие ученые [14, с. 66, 4]. Признак недобросовестности поведения стороны, навязавшей невыгодные условия потерпевшему, характеризует процедурную несправедливость соответствующего условия договора.

Таким образом, крайне невыгодные условия кабальной сделки обладают всеми квалифицирующими признаками несправедливых договорных условий.

Мы пришли к выводу о том, что и кабальные условия (п. 3 статьи 179 ГК РФ) и явно обременительные условия (статья 428 ГК РФ) являются несправедливыми договорными условиями в том смысле как они понимаются в Постановлении Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах». При этом в научной литературе отмеча-

ется, что положения статьи 179 ГК РФ дублируют правила статьи 428 ГК РФ: «Договор может удовлетворять критериям кабальной сделки, но одновременно подпадать и под определение договора присоединения» [6]. Тем не менее, до внесения изменений в п. 3 статьи 428 ГК РФ пересечение указанных правовых режимов достаточно редко возникало на практике, поскольку признаком договора присоединения является стандартность его условий, а условия кабальной сделки чаще всего формулируются специально для того, чтобы извлечь максимум выгоды из тяжелого положения другой стороны [12, с. 315]. Напомним, что в рамках реформы гражданского законодательства редакция п. 3 статьи 428 ГК РФ была изменена Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Теперь указанная норма в качестве основания для применения механизма судебного реагирования на включение в договор несправедливых условий предусматривает лишь критерий сопоставимости переговорных возможностей сторон и возможности слабой стороны влиять на содержание договора. При этом суд может применить последствия, предусмотренные п. 2 статьи 428 ГК РФ, к любым индивидуально несогласованным условиям договора, навязанным слабой стороне: не имеет значения, является ли оспариваемый договор договором присоединения.

Реформа обязательственного права поспособствовала пересечению сфер применения норм статьи 428 ГК РФ и пункта 3 статьи 179 ГК РФ. Если ранее статья 428 ГК РФ применялась лишь к стандартизированным условиям, то теперь она применима и к нестандартизированным договорам, условия которых сформулированы для извлечения максимальной выгоды из тяжелого положения контрагента. Из-за стечения тяжелых обстоятельств у одной из сторон может возникнуть неравенство переговорных возможностей, и, следовательно, это может привести к затруднению в согласовании иного содержания условий договора. Таким образом, почти любой договор, соответствующий признакам кабальности, теоретически может подпадать под действие режима статьи 428 ГК РФ. Тем не менее, поскольку правила п. 3 статьи 428 ГК РФ не применяются в индивидуально согласованным условиям договора, наиболее вопиющие случаи недобросовестности одной из сторон, отразившиеся в индивидуально согласованных условиях договора, могут быть разрешены в путем применения механизма, заложенного в пункте 3 статьи 179 ГК РФ.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что защита слабых участников договорных правоотношений от несправедливых договорных условий осуществляется при помощи разных правовых конструкций, заложенных в ГК РФ.

Литература:

1. Витрянский В. В. Гражданский кодекс о договоре // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 1995. № 10. С. 100–118.
2. Витрянский В. В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсевича Ема / отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. М.: Статут, 2011. 559 с.
3. Гражданское право: учеб.: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.]; под ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: Проспект, 2008. 895 с.
4. Гуев А. Н. Постатейный комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. Изд., доп. и перераб. М.: Экзамен. 2006. 767 с.
5. Зарубин А. В. Недействительность сделок с пороками воли: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2003. 182 с.
6. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. 453 с.
7. Кирилловых А. А. Защита прав потребителей: вопросы правового регулирования. М.: Деловой двор, 2012. 304 с.
8. Киселев А. А. Недействительность сделок с пороками воли. Монография. М.: Юрист, 2003. 77 с.
9. Клочков А. А. Стандартные (общие) условия договоров в коммерческом обороте: правовое регулирование в России и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 210 с.
10. Кратенко М. В. Несправедливые условия в договорах с потребителями: понятие, виды, способы судебной защиты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 4. С. 55–74.
11. Кратенко М. В. Оспаривание невыгодных условий договора // Арбитражная практика. 2006. № 10. С. 3–9.
12. Кучер А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. 361 с.
13. Лисицкая А. Ю. Несправедливые договорные условия в гражданском праве России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Вестник ВЭГУ. 2017, № 6 (92). С. 150–156.
14. Оценочные категории гражданского права: учеб. пособие / под ред. Е. Б. Овдиенко. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2017. 131 с.
15. Рожкова М. А., Афанасьев Д. В. Оспаривание сделки по основаниям статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации // Комментарий судебной практики. Вып. 12 / Под ред. К. Б. Ярошенко. М.: Юрид. лит., 2006. С. 31–39.
16. Фогельсон Ю. Б. Несправедливые (недобросовестные) условия договора // Хозяйство и право. 2010. № 10. С. 29–55.

17. Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. — 2. изд., доп. М.: Юрайт, 1999. 162 с.
18. Шерстобитов А. Е. Гражданский кодекс Российской Федерации и законодательство о защите прав потребителей о договорах с участием потребителей // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македонии: Сборник научных статей. Вып. 1 / отв. ред. А. Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2006. С. 296–315.
19. Ширвиндт А. М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве / под общ. ред. А. Л. Маковского; Исследовательский центр частного права. М.: Статут, 2014. 158 с.
20. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. 976 с.

Система гражданского права

Сенковец Александра Валерьевна, студентка магистратуры
Московский Финансово-Промышленный университет синергия

В условиях современного мира и стремительного развития страны понятие гражданского права становится все более актуальным и востребованным. Общество хочет и обязано знать свои права и обязанности в области гражданского правового регулирования. Термин «гражданское право» появился очень давно. Он используется во всех правовых системах, хотя его содержание в некоторой степени меняется с изменениями экономических, политических и культурных условий жизни в обществе. В современном праве термин «гражданское право» неоднозначен.

Ключевые слова: гражданское право, гражданин, закон, нормы и правила, правовая культура, общественные отношения.

Как и в любой отрасли, гражданское право состоит из правовых норм, регулирующих общественные отношения. Связи с общественностью также являются предметом гражданского права. Следовательно, понятие субъекта тесно связано с вопросом о том, какие общественные отношения регулируются нормами гражданского права. Спектр общественных отношений, регулируемых гражданским законодательством, необычайно широк.

Гражданское право — отрасль права, регулирующая имущественные и личные неимущественные отношения на основе равенства, автономии воли и имущественной независимости его участников.

Гражданское право Российской Федерации — одна из ведущих отраслей российской правовой системы. Гражданское право можно отличить от единой системы российского права, выделить его особенности, которые вполне достаточны для четкого понимания гражданского права, при этом его предмет и метод являются основным критерием для выделения областей права [3, стр. 62].

Как и в любой отрасли, гражданское право — это набор правовых норм, регулирующих соответствующие общественные отношения. Эта отрасль регулирует большинство отношений, возникающих в гражданском обществе. Гражданское право возникло из нужды рационального сочетания интересов участников экономических и социальных отношений, а также улаживания споров, возникающих из конфликта интересов между этими участниками.

Гражданское право определяет правовой статус участников гражданско-правовых сделок, причины возникновения и порядок осуществления имущественных и иных

имущественных прав, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, интеллектуальную собственность, регулирует договорные и иные обязательства и иные отношения.

Граждане и организации, ведущие активный бизнес, постоянно вовлечены в общественные отношения друг с другом, что регулируется нормами гражданского права. Граждане в своей повседневной жизни, которые пользуются услугами различных организаций, также участвуют в работе по связям с общественностью, регулируемой гражданским законодательством.

Нормы гражданского права также применяются к отношениям между самими гражданами и к отношениям, возникающим в результате распространения ложной информации о гражданине, его чести, достоинстве или репутации как компании или других нарушений нематериальных выгод.

Действие гражданского права распространяется на те общественные отношения, в которых граждане вообще не участвуют, а участниками являются государство, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, участвующие в этих отношениях как собственники, обладатели иных имущественных прав или отношения между ними.

Гражданское право является важнейшей отраслью российского права (после Конституции), которая является важнейшим регулятором в отношениях между товарами и деньгами. Очевидно, что роль этой отрасли права неуклонно возрастает в условиях перехода к рыночной экономике и реформирования социально-экономических отношений [2, с. 106].

Общая часть гражданского права включает основные положения о понятии, происхождении, реализации и защите гражданских прав, вопросов и объектов гражданского оборота, а также некоторые другие общие правила, которые применяются ко всем гражданско-правовым отношениям. Она имеет важное системное, теоретическое, познавательное и в то же время практическое значение для правоохранительной деятельности, поскольку составляющие его нормы так или иначе учитываются при применении всех других норм гражданского права.

С этой точки зрения можно сказать, что все остальные нормы составляют особую часть гражданского права. Однако это понятие обычно не используется по отношению к гражданскому праву, поскольку разнообразие составляющих его норм настолько велико, что неизбежно требуется дальнейшее детальное разграничение. Прежде всего, гражданское право делится на подсектора — самые большие группы норм, регулирующих однородные группы отношений со своими общими положениями.

Однородность социальных отношений, содержащихся в гражданском праве, позволяет выделить те нормы гражданского права, которые применяются к регулированию имущественно-стоимостных и личных неимущественных отношений. Совокупность этих правовых норм составляет общую часть гражданского права. Значение общей части в гражданском праве трудно переоценить. Она отражает однородность темы отраслевого регулирования, служит единым принципом для всех отраслевых норм и выражает общность их правового содержания. Общая часть позволяет устранить противоречия в правовом регулировании общественных отношений, которые носят схожий характер, и обеспечить необходимое единство гражданско-правового регулирования общественных отношений, возникающее в отдельных сферах деятельности граждан и организаций. В частности, благодаря нормам общей части гражданского права, единообразному регулированию имущественных и ценностных отношений между гражданами, между юридическими лицами, между юридическими лицами и гражданами во всех сферах деятельности: в экономической, бытовой или интеллектуальной сфере; в транспорте, строительстве, сельском хозяйстве, торговле, бытовом, жилищно-коммунальном хозяйстве и др.

Общая часть гражданского права, бесспорно, предлагает юридические и технические преимущества, что позволяет избежать многих практических неудобств, вызванных увеличением количества перекрестных ссылок или ненужным повторением правовых норм в различных структурных единицах гражданского права. Таким образом, субъективные права многих институтов гражданского права имеют срок иска. Чтобы не повторять пра-

вила срока давности в каждом правовом институте, они, так сказать, «вынесены за скобки» и включены в общую часть, имеющую общее значение для всех институтов гражданского права. То же самое относится и к другим нормам гражданского права, которые имеют общее значение для всех институтов гражданского права. Это значительно сокращает объем гражданского законодательства и облегчает его практическое применение.

Наука гражданского права состоит из ряда концепций, мнений и представлений о гражданском праве. Наука гражданского права имеет свой предмет, который в основном содержит гражданское право как совокупность правовых норм, практику применения этих законов, историю развития гражданского права в Российской Федерации и опыт гражданского правового регулирования в других странах [1, стр. 136].

Стоит отметить, что знание гражданского права и правовой культуры в целом — это не столько знание формулировок закона, сколько безусловное понимание, трактовка и понимание вопросов гражданского права.

После того как мы рассмотрели и суммировали все основные особенности гражданского права, мы можем подвести черту и дать ему следующее определение.

Гражданское право — это система правовых норм, составляющих основное содержание частного права и регулирующих связанные с ним имущественные и неимущественные отношения на основе независимости и имущественной независимости его участников по методу юридического равенства сторон с целью предоставления физическому лицу возможности организовывать свою деятельность в соответствии со своими потребностями и интересами.

Гражданское право как ведущая отрасль права имеет свои темы, методы, системы и источники. Гражданское право как учебная дисциплина состоит из общей и особой частей. В общей части рассматриваются вопросы, касающиеся всех (или большинства) гражданско-правовых отношений, а в специальной части рассматриваются вопросы, связанные с конкретными имущественными отношениями. Прежде всего, определенные виды обязательств.

Гражданское право не регулирует, а защищает неотъемлемые права и свободы человека, а также другие нематериальные блага, не связанные напрямую с имущественными отношениями. Сюда входят, в частности, жизнь и здоровье, личное достоинство, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, репутация компании, конфиденциальность, личные и семейные тайны, выбор места жительства и местонахождения. Эти права, принадлежащие гражданину по рождению или охраняемые законом, являются неотчуждаемыми и не могут быть переданы.

Литература:

1. Кагарманова А. Б., Муратова А. Р. Понятие и система гражданского права. Изд.: Воронежский экономико-правовой институт (Воронеж), 2018. — с. 135–137

2. Малинова О. В., Гречникова О. Ю. Формирование системы гражданского права. Изд.: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований» (Москва), 2019. — с. 103–107
3. Сакадынская О. Б. Система гражданского права. Изд.: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.) (Пенза), 2020. — с. 61–63

К вопросу о понятии договора возмездного оказания медицинских услуг

Строкова Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент;
Байбакова Татьяна Максимовна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторы раскрывают понятие и проблематику договора возмездного оказания медицинских платных услуг, затрагивая правовую основу данного договора.

Ключевые слова: медицинские услуги, договор возмездного оказания услуг, медицинская организация, заказчик, потребитель, исполнитель.

В Российской Федерации платные медицинские услуги, согласно статье 84 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», могут оказываться в полном объеме стандарта медицинской помощи либо по просьбе пациента в виде осуществления отдельных консультаций или медицинских вмешательств, в том числе в объеме, который превышает объем выполняемого стандарта медицинской помощи [1].

Согласно положениям указанной статьи, к общественным отношениям, возникающим в связи с оказанием платных медицинских услуг, применяются положения Закона Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2].

В силу статьи 426 Гражданского кодекса Российской Федерации договор о предоставлении платных медицинских услуг является публичным договором. Это означает, что медицинская организация не вправе отказаться от заключения публичного договора в случае, если имеется возможность оказать потребителю соответствующие услуги [3].

До заключения договора об оказании платных медицинских услуг исполнитель обязательно должен предоставить информацию о себе и об оказываемых медицинских услугах. С этой целью утверждены Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг [4].

Вся информация, включая наименование организации, сведения о лицензии, перечень оказываемых услуг медицинская организация обязана предоставить с помощью размещения на интернет-сайте медицинской организации, а также на информационных стендах в помещении медицинской организации.

В момент заключения договора об оказании платных медицинских услуг по требованию потребителя или заказчика услуг должна предоставляться информация о платных медицинских услугах: порядок оказания медицинской помощи; сведения о профессиональном об-

разовании и квалификации медицинского работника, непосредственно оказывающего услуги; информацию о методах оказания услуги и связанных с ним рисков.

В случае, если медицинской организацией соответствующая обязанность не была выполнена и это привело к приобретению услуги, которая не обладает свойствами, необходимыми потребителю, потребитель вправе отказаться от договора и потребовать возмещения убытков согласно статье 12 Закона о защите прав потребителей.

Необходимо отметить, что договор возмездного оказания медицинских услуг обладает некоторыми специфическими особенностями.

Первая из них связана с тем, что к исполнителю по договору — медицинской организации — предъявляются особые требования:

- исполнитель обязан иметь медицинское образование;
- исполнитель обязан сохранять врачебную тайну, которая стала известна в ходе исполнения договора;
- до момента заключения договора исполнитель обязан в письменной форме уведомить потребителя услуги о том, что в случае несоблюдения рекомендаций медицинского работника и режима лечения качество предоставляемой услуги может снизиться или негативно сказаться на состоянии здоровья потребителя.

Договор возмездного оказания услуг возможно рассматривать как договор присоединения — сторона принимает заранее сформулированные условия, и изменить их не может.

В силу пункта 2 статьи 428 ГК РФ, сторона, которая присоединилась к договору, вправе потребовать расторжения или изменения договора в случае, если договор присоединения хотя и не противоречит закону или иным правовым актам, но лишает сторону прав, которые обычно предоставляются по договору такого вида или исключает или ограничивает ответственность стороны, предоставляющей услуги.

Еще одной особенностью рассматриваемого договора выступает то, что исполнитель договора после выполнения медицинских услуг обязательно предоставляет пациенту медицинские документы, подтверждающие оказание услуг, а также отражающие сведения о состоянии здоровья пациента.

Следует отметить, что исполнитель не вправе предоставлять получателю услуг дополнительные медицинские услуги на возмездной основе без согласия получателя услуг. Если в процессе оказания услуг выясняется, что требуется оказание дополнительных медицинских услуг, например, для устранения угрозы жизни пациента, такие услуги должны быть оказаны на безвозмездной основе согласно положениям статьи 11 Федерального закона «Об основах охраны граждан в Российской Федерации».

Важно, что приложение к каждому договору, который заключается с пациентом, обязательно должно содержать полный перечень услуг, оказываемых медицинской организацией, а также прейскурант на все услуги, оказываемые медицинской организацией [5].

Кроме того, медицинская организация обязана предоставить по требованию получателя услуг копию лицензии, подтверждающей право на оказание соответствующих услуг.

Сторонами договора возмездного оказания медицинских услуг являются:

- заказчик (потребитель, пациент);
- исполнитель (медицинская организация).

Пункт 2 ранее упомянутых правил оказания медицинских услуг устанавливает, что договор об оказании платных медицинских услуг заключается между заказчиком и исполнителем, и при этом:

- заказчиком может являться как физическое, так и юридическое лицо;
- заказчик обязательно имеет намерение приобрести или приобретает медицинские услуги для потребителя;
- заказчик и потребитель могут быть одним лицом, а могут быть и разными лицами;
- потребитель — это всегда лицо, которое намеревается получить или получает медицинские услуги, то есть, пациент;
- исполнитель — это всегда медицинская организация, обладающая соответствующей лицензией.

Ввиду всего указанного, договор об оказании платных медицинских услуг может быть заключен:

- между потребителем и исполнителем;
- между потребителем, заказчиком и исполнителем.

При этом заказчик — любое физическое или юридическое лицо, приобретающее услугу, а получатель — всегда физическое лицо, получающее услугу лично.

Следует более подробно рассмотреть правовой статус исполнителя по договору об оказании платных медицинских услуг.

Медицинская организация — это юридическое лицо, которое в качестве основного вида деятельности осуществляет медицинскую деятельность. Осуществление

такой деятельности возможно только на основании лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [6].

Медицинские услуги, кроме того, могут оказываться и индивидуальными предпринимателями при соблюдении того же условия — наличия лицензии.

Говоря о сторонах рассматриваемого договора, дополнительно следует отметить, что платные медицинские услуги могут быть оказаны и медицинскими организациями, которые осуществляют программы бесплатного оказания медицинской помощи. При этом важно, что платные услуги такими медицинскими организациями должны быть оказаны на иных условиях, чем предусмотрено программой государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам.

Согласно общим условиям, предусмотренным для исполнения гражданско-правовых договоров, исполнитель должен оказать услуги лично, то есть, не должен привлекать для выполнения договора другую медицинскую организацию. Тем не менее, возможность привлечения третьих лиц для оказания услуг по договору может быть отдельно предусмотрена договором между заказчиком и исполнителем.

Ранее было указано, что заказчик вправе потребовать информацию об образовании и квалификации медицинского сотрудника, который оказывает медицинскую услугу. Интересной представляется позиция, сформулированная в 2011 году Высшим Арбитражным Судом. По мнению данного органа, услуга по выбору врача является немедицинской услугой, ее, скорее, можно отнести к сервисным услугам. Она может быть предоставлена платно при оказании медицинской помощи [7].

Важно, что указание на конкретного врача, который будет оказывать медицинскую услугу, не является обязательным условием договора о платном оказании медицинских услуг. При этом если для потребителя указание на конкретного врача имеет определяющее значение, соответствующее условие может быть включено в договор.

Шаблова Г. Г. считает, что «договором возмездного оказания услуг может быть персонифицирована личность исполнителя, непосредственно оказывающего услугу, изменение этого условия в последующем возможно с согласия заказчика или по обстоятельствам невозможности исполнения обязательства этим лицом» [8].

Такой вывод является вполне справедливым, поскольку для пациента личность врача может иметь важное значение.

Следует сказать, что договор платного оказания медицинских услуг может иметь особенности в случае, если возраст пациента не превышает 14 (четырнадцати) лет.

Согласно статье 28 ГК РФ, сделки от имени несовершеннолетних, которые не достигли четырнадцатилетнего возраста, могут заключать только их законные представители.

Ввиду этого сторонами договора в таком случае заказчиком может выступать только законный представитель ребенка. В договоре указывается, что заказчиком и пла-

тельщиком является родитель, однако услуги предоставляются несовершеннолетнему.

Кроме того, согласно положениям Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», законный представитель имеет право получать от врача информацию о состоянии здоровья несовершеннолетнего, чьи интересы он представляет.

Названия и объемы услуг, которые оказываются медицинской организацией, должны быть определены согласно стандартам медицинской помощи, которые должны быть разработаны согласно Приказу Минздрава России от 13 октября 2017 г. № 804н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» [9]. В качестве примера следует указать Стандарт первичной медико-санитарной помощи детям при гриппе легкой степени тяжести, разработанный Минздравом России [10].

Указанными ранее Правилами предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг установлены существенные условия, которые обязательно должны быть включены в договор об оказании платных медицинских услуг. К ним относятся:

1. Сведения об исполнителе по договору:

- наименование медицинской организации или ФИО индивидуального предпринимателя, оказывающего услугу;
- юридический адрес и адрес места нахождения исполнителя по договору;
- сведения о данных, внесенных в ЕГРЮЛ или ЕГРИП, с указанием на орган, который осуществил государственную регистрацию;
- номер лицензии, подтверждающей право на осуществление медицинской деятельности, срок действия лицензии, наименование и адрес органа, выдавшего лицензию.

2. Сведения о пациенте и заказчике:

- ФИО, адрес места жительства пациента;
- ФИО, адрес места жительства заказчика.

3. Перечень платных медицинских услуг, которые предоставляются согласно договору.

4. Стоимость платных медицинских услуг, которые предоставляются согласно договору, сроки и порядок их оплаты.

5. Сроки и условия предоставления платных медицинских услуг, предоставляемых согласно договору.

6. Должность и ФИО лица, которое заключает договор от имени медицинской организации, его подпись.

7. Подпись заказчика.

8. Положения, устанавливающие ответственность сторон за невыполнение условий, предусмотренных договором.

9. Положения, устанавливающие порядок изменения и расторжения договора.

10. Иные условия, которые могут быть определены по соглашению сторон.

Представляется интересным вопрос о том, следует ли считать такие условия существенными, и будет ли договор считаться незаключенным с точки зрения норм

гражданского права, если одно из условий не будет соблюдено. Прямое указание на признание договора незаключенным в таком случае в законе не содержится, ввиду чего следует полагать, что отсутствие одного из условий не делает договор об оказании платных медицинских услуг незаключенным.

Важным условием, которое должно содержаться в договоре об оказании платных медицинских услуг, является цена. Цены на медицинские услуги, которые оказываются бюджетными и казенными государственными или муниципальными учреждениями, устанавливаются учредителями таких медицинских организаций. Иные медицинские организации устанавливают цены на предоставляемые услуги самостоятельно.

Договор составляется в двух или в трех экземплярах, в зависимости от субъектного состава — по одному на исполнителя, заказчика и пациента.

Важнейшая характеристика договора об оказании платных медицинских услуг — наличие врачебной тайны. Исполнитель не вправе разглашать сведения о пациенте, о состоянии его здоровья, которое было установлено в результате обследования, и о самом факте обращения за медицинской помощью.

Однако из этого правила есть определенные исключения. Медицинская организация вправе передать сведения, составляющие врачебную тайну, без согласия пациента в случаях угрозы распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений, поражений; по запросу органов дознания, следствия, суда (в связи с проведением расследования или судебным разбирательством); в целях информирования правоохранительных органов о поступлении пациента в случае, если имеются основания полагать, что в отношении пациента совершено преступление; в иных случаях, установленных статьей 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Представляется важным отметить, что содержание договора платного оказания медицинских услуг обязательно содержит качество предоставляемых услуг. Качество предоставляемой медицинской услуги — это, в том числе, достижение результата, который был запланирован.

Е. С. Салыгина считает, что «мы видим столкновение (конкуренцию) двух норм различных отраслей права. Вопрос становится принципиальным, когда возникает проблема «платить или нет за оказанные услуги», если они не привели к ожидаемому (запланированному) результату (не привели к беременности при услуге ЭКО, не привели к полному исправлению зубных рядов при ортодонтическом лечении зубов, не привели к полному выздоровлению при назначении какой-либо терапии). Пациент имеет право в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за нее суммы, поскольку качество оказанных в данных примерах услуг не соответствует ожиданиям заказчика (восстановление здоровья как состояния психического, физического благополучия). Однако данный подход не отвечает принципам разумности и справедливости в гра-

жданских отношениях: и клиника, и врач — как непосредственный исполнитель услуги — сделали все от них зависящее и предусмотренное законом для того, чтобы результат наступил: выполнили лицензионные требования для осуществления медицинской деятельности, получили соответствующее образование, провели необходимую диагностику, лечение. Результат мог не наступить по трем причинам: врач не провел именно необходимую диагностику и лечение; пациент не соблюдал рекомендации и назначения врача; результат не наступил в связи с наличием (изменением) состояния организма, которое нельзя было выявить или предсказать до начала оказания услуг» [11].

Определение качества оказанной услуги представляется достаточно сложным. Достижение конкретного результата, который был запланирован, не всегда предусматривается гражданским законодательством как обязательный элемент договора.

По мнению Ю. Д. Сергеева «следует иметь в виду, что позитивный исход в лечении больного может и не наступить, несмотря на все принятые лечащим субъектом меры по выполнению взятых на себя договорных обязательств. Причиной тому могут быть так называемые несчастные случаи, когда негативный исход лечения наступает, например, из-за аллергических реакций пациента на медицинский препарат, особенностей анатомического строения больного, которые не могли быть обнаружены при проведении известных методик обследования» [12].

Таким образом, договор об оказании платных медицинских услуг — это договор, сторонами которого являются или медицинская организация и пациент, или медицинская организация, заказчик и пациент; предметом договора являются медицинские услуги; вопрос о существенных условиях договора представляется спорным и требует дальнейшего изучения.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2011. № 48. — Ст. 6724.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1996. № 3. — Ст. 140.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1994. № 32. — Ст. 3301.
4. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // Собрание законодательства РФ. — 2012. № 41. — Ст. 5628.
5. Информация Роспотребнадзора от 08.03.2016 «О порядке соблюдения отдельных положений Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // Доступ из СПС «Консультант-Плюс»
6. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // Собрание законодательства РФ. — 2012. № 41. — Ст. 5628; Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» (вместе с «Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)») (ред. от 21.02.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2012. № 17. — Ст. 1965.
7. Определение ВАС РФ от 27.07.2011 № 9872/11 по делу № А04-4105/2010 // Доступ из СПС «Консультант-Плюс»
8. Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: Дис... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 338.
9. Приказ Минздрава России от 13.10.2017 № 804н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» (ред. от 05.03.2020) (Зарегистрировано в Минюсте России 07.11.2017 № 48808) // Доступ из СПС «Консультант-Плюс»
10. Приказ Минздрава России от 09.11.2012 № 757н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи детям при гриппе легкой степени тяжести» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2013 № 26697) // Доступ из СПС «Консультант-Плюс»
11. Салыгина Е. С. Проблема правового регулирования результата медицинских услуг и ответственности за его недостижение // Медицинское право. 2012. № 6. С. 28.
12. Сергеев Ю. Д. Ненадлежащее оказание медицинской помощи и пути ее профилактики — сверхактуальная научно-практическая проблема // Медицинское право. 2016. № 2. С. 3–5.

Правовое регулирование технологии блокчейн

Сунгатов Ильяс Равилевич, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова

Блокчейн является одной из наиболее прорывных информационных технологий, существующих на сегодняшний день, наряду с нейросетями и искусственным интеллектом. По стандартам цифровых технологий блокчейн не является новым явлением, известен и применяется многие годы, однако внимание научной мысли к данной технологии было привлечено сравнительно недавно, вместе с актуализацией общественно-экономических потребностей в данной сфере. Развитие информационных технологий опережает уровень социального прогресса. Данное обстоятельство ставит перед юриспруденцией задачу по созданию норм, направленных на регулирование блокчейн отношений, а также вопрос применения существующих законов в отношении технологии блокчейн и производных технологий, продуктов.

Динамика развития отрасли вызывает потребность во внесении изменений в существующее законодательство, а также в толкование существующих норм с целью адаптации последних к создаваемым изменениям. Однако с ужесточением правового регулирования технологий блокчейн, возникает когнитивный диссонанс между реализацией технологии, её концепцией, идеей и, с другой стороны, с предложенными методами и способами правового регулирования. Разберём это на радикальном примере цифровой валюты (криптовалюты) Монеро. Как и многие другие криптовалюты, Монеро является актом неповиновения, попыткой оградиться от существующей мировой финансовой системы со всеми её недостатками и несправедливостью. Уровень либерализма и взаимного доверия граждан и государства в конечном счёте определяет возможность и степень правового регулирования подобных технологий. Необходимость правового регулирования блокчейн технологий бесспорна, другой вопрос в наиболее эффективном характере правового регулирования данной сферы.

В современных условиях интенсивного развития информационных технологий и цифровой экономики, блокчейн отношения являются одними из наиболее перспективных направлений в юридической практике, а также динамично развивающимся направлением в отечественном праве в целом.

Развитию права с сфере блокчейн технологий в Российской Федерации способствовали исследования: Б. М. Лямина, М. Л. Макаревича, Б. М. Гонгалю, Л. А. Новосёловой, А. В. Токолова, В. С. Белых, М. А. Егоровой и других. Большое влияние на развитие блокчейн отношений оказали научные работы А. С. Клименко. Заслуживают внимания работы Н. В. Дулатова, К. М. Арсланова, У. Р. Ягубова, О. С. Болотаева; которые помогают выявить как положительные, так и отрицательные стороны имеющегося правового регулирования.

Развитие цифровой экономики оказалось действительно востребованным направлением в российском обществе и с каждым годом приобретает всё большее поступательное развитие.

В условиях недостатка уровня правового регулирования, наиболее логичным шагом представлялось рассмотрение сущности технологии блокчейн как составного объекта через четвертую часть ГК РФ [1], тем самым прослеживалась связь технологии блокчейн с интеллектуальным правом. Что не вносило большей ясности, а недостатки подобного подхода были очевидны.

Законодателем не раз предпринимались попытки легализации технологий блокчейн, в частности: Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ, в первую часть ГК РФ [2], в подраздел об объектах гражданских прав была введена статья 141.1 — цифровые права. Законодатель разработал собственную концепцию функционирования технологии, плоды которой были отражены в последующей право творческой деятельности.

Субъекты гражданского права зачастую обращаются в суды в связи с непониманием правовых особенностей блокчейн отношений. Договоры в сфере блокчейн отношений заключаются, воплощая в себе принцип свободы договора, могут включать в себя различные основания. Как и следовало ожидать, возникают проблемы теоретического, законодательного и правоприменительного характера, вызванные недостаточным опытом применения данного института в Российской Федерации. Вступающий в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] в некоторых случаях может принести ясность. Однако с его принятием возникает множество иных вопросов, таких как: целесообразность введения новой русифицированной терминологии, определение долгосрочной стратегии регулирования блокчейн отношений, проработка и адаптация существующей правовой базы.

Правовая определённость в том, чего следует ожидать от вступления в правовые отношения, связанные с технологией блокчейн, способствовала бы повышению эффективности в практической реализации данной технологии. Сохранение свободы в блокчейн отношениях является одним из признаков демократического государства. Государства, где ценятся права и свободы человека. Более того, обеспечение быстрого, эффективного и справедливого восстановления нарушенного права, сохранение незыблемости частной собственности являются важнейшими задачами правового государства. Вместе с тем блокчейн технологии способны дать невиданный ранее импульс в развитии общества и государства.

В целях понимания вектора развития в правовом регулировании технологий блокчейн, необходимо рассмо-

трение блокчейн технологий в гражданско-правовом аспекте, возможностей их применения в существующих реалиях, а также выявление потенциальных проблем и пробелов в современном гражданском законодательстве.

Необходимо дать легальное понятие технологии блокчейн. Рассмотреть на законодательном уровне отдельные явления блокчейн технологий в гражданско-правовом аспекте. Синтезировать полученные данные, чтобы определить возможность легального определения блокчейн технологии. Необходимо провести обзор законодательства Российской Федерации, затрагивающего технологию блокчейн. Исследовать и систематизировать правовые акты, регулирующие использование технологии блокчейн. И всё это согласовать с существующей судебной практикой, затрагивающей применение технологии блокчейн.

В процессе правового регулирования следует разрешить вопрос восприятия и классификации блокчейн технологий в соответствии с действующим российским законодательством, определить существующие нормативно-правовые акты и документы, регулирующие блокчейн отношения, условия, порядок и основания их реализации, исследовать общемировые тенденции регулирования блокчейн отношений, изучить научные труды, раскрывающие сущность блокчейн технологий в российском праве и проблемы, связанные с их реализацией, необходимо привести специфичную отечественную терминологию к мировым стандартам отрасли блокчейн отношений.

Необходимость правового регулирования блокчейн отношений представлена в возможности более глубокого понимания правовой реализации блокчейн отношений, новом взгляде на ранее неразрешимые частные вопросы. Необходимо продолжить исследования пробле-

матики правового регулирования применения технологии блокчейн. Действующее законодательство Российской Федерации должно идти в ногу со временем.

Разработку новых эффективных положений отечественного законодательства, затрагивающих технологию блокчейн, приведёт к повышению доверия к праву со стороны участников блокчейн отношений, а следовательно, и к экономическому росту.

Ещё одним аргументом в пользу необходимости регулирования блокчейн отношений, является феномен административного давления в условиях неясности. Несмотря на диспозитивный характер гражданского права, субъекты гражданского права не спешат и отстраняются от участия в обороте блокчейн активов вследствие особенностей административного воздействия, характерного для существующего государственно-правового механизма, а также отсутствия устоявшегося опыта заключения электронных сделок.

Отсутствие в гражданском кодексе Российской Федерации на сегодняшний день прямого упоминания криптовалют является разумным и целесообразным. В условиях недостаточно выработанной теоретической базы неосторожные шаги могут повлечь нежелательные экономические и социальные последствия, вследствие чего формирование права должно происходить последовательно и постепенно, в полной мере обеспечивая дальнейшее распространение передовых технологий блокчейн на территории Российской Федерации.

Российская цивилистика на сегодняшний день не допустила фатальных ошибок в вопросах урегулирования блокчейн отношений, но в будущем потребуются масштабное использование разнообразного арсенала приемов юридической техники и опыта регулирования схожих отношений в зарубежных странах.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ (в редакции от 18 июля 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 декабря 2006 г. № 52 (часть I) ст. 5496.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в редакции от 3 июля 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст: электронный // Российская Газета: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2020/08/06/tsifra-dok.html> (дата обращения: 17.10.2020).

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

О практике применения арбитражными судами законодательства об административных правонарушениях

Арефьев Михаил Алексеевич, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В соответствии со статьей 1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами в Российской Федерации, образованными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом, путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами, по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах.

В главе 25 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации закреплён порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях (рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности и рассмотрение дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности).

С каждым годом растёт количество дел об административных правонарушениях, рассматриваемых арбитражными судами.

В данной статье считается необходимым исследовать спорные вопросы практики применения законодательства об административных правонарушениях в арбитражных судах.

В процессе исследования выделено и рассмотрено несколько вопросов.

Может ли юридическое лицо, в отношении которого реализуются процедуры банкротства, быть признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.61 КоАП РФ.

В настоящее время в судебной практике имеется два подхода к разрешению данного вопроса.

1) Может, если судом будет установлено, что юридическое лицо не приняло все зависящие от него меры по обеспечению исполнения обязательств.

Обязанность по предоставлению обеспечения исполнения обязательств по оплате энергоснабжения не содержит исключений, связанных с возможностью ее неисполнения в случае решения арбитражным судом вопроса

о введении в отношении потребителя процедуры банкротства.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не предусматривает возможности освобождения от административной ответственности юридического лица, находящегося на момент рассмотрения дела об административном правонарушении в процедуре банкротства. У такого потребителя не прекращаются обязанности по предоставлению обеспечения исполнения обязательств по оплате предоставленного ресурса.

Следовательно, если юридическое лицо не представит доказательств, что им предпринят комплекс мер, направленных на соблюдение требований действующего законодательства (погашение задолженности, предоставление банковской, государственной, муниципальной гарантии, либо обеспечение исполнения спорных обязательств иными способами), то оно подлежит привлечению к административной ответственности по статье 14.61 КоАП РФ.

2) Не может, поскольку в рамках процедуры банкротства юридическое лицо лишено возможности предоставления обеспечения исполнения обязательств.

Задачами производства по делам об административных правонарушениях согласно статье 24.1 КоАП РФ являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

С момента вынесения определения арбитражного суда о введении в отношении юридического лица процедуры банкротства, на юридическое лицо распространяется специальный правовой режим, предусмотренный Законом о банкротстве. Все осуществляемые таким юридическим лицом действия и последующие правовые последствия применяются в строгом соответствии с нормами Закона о банкротстве и предусмотренными законом процедурами.

Закон о банкротстве устанавливает порядок удовлетворения требований кредиторов должника и запрещает

отступление от очередности под угрозой признания перечислений недействительными сделками.

При наличии непогашенных требований текущих платежей, возникших ранее, должник не имеет права не только погасить задолженность, но и заключить сделку, направленную на предоставление обеспечения обязательств по оплате этой задолженности. Таким образом, в силу особой правовой природы процедуры банкротства должник не имеет объективной возможности предоставить обеспечение исполнения обязательств.

В соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 21.04.2005 № 119–0 положения части 2 статьи 2.1 КоАП РФ, предусматривающие основания, при обязательном наличии которых юридическое лицо может быть признано виновным в совершении административного правонарушения, направлены на обеспечение действия презумпции невиновности (статья 1.5 КоАП РФ) и имеют целью исключить возможность привлечения юридических лиц к административной ответственности при отсутствии их вины.

Таким образом, с учетом ограничений, предусмотренных Законом о банкротстве, юридическое лицо не имеет возможности исполнить обязанность по предоставлению обеспечения и в этой связи, исходя из положений части 2 статьи 2.1 КоАП РФ, должно быть признано невиновным в совершении административного правонарушения.

Возможно ли применение положений части 1 статьи 4.1.1 КоАП РФ при назначении административного наказания за впервые совершённое административное правонарушение, выявленное в ходе исполнительного производства (статьи 17.14, 17.15 КоАП РФ).

1) Да, возможно.

В соответствии с частью 1 статьи 4.1.1 КоАП РФ являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридическим лицам, а также их работникам за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в случаях, если назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей раздела II настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, административное наказание в виде административного штрафа подлежит замене на предупреждение при наличии обстоятельств, предусмотренных частью 2 статьи 3.4 настоящего Кодекса, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи.

Судебный пристав-исполнитель выявляет нарушения, ответственность за которое установлена статьями 17.14 и 17.15 КоАП РФ, в ходе исполнительного производства.

Однако даже в ходе исполнительного производства судебный пристав-исполнитель контролирует, проверяет исполнение должником и иными лицами требований разного характера, устанавливает причины неисполнения,

неполного, несвоевременного исполнения требований. Итогом проверки является возбуждение производства по делу об административном правонарушении.

Поэтому при рассмотрении заявления об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьями 17.14, 17.15 КоАП РФ применимы общие положения статьи 4.1.1 КоАП РФ о замене наказания в виде административного штрафа на предупреждение.

2) Правовых оснований для замены административного наказания в виде штрафа предупреждением в соответствии со статьей 4.1.1 КоАП РФ не имеется.

Данная норма применяется исключительно к впервые совершённое правонарушению, выявленному в ходе мероприятий государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. Выявление правонарушения в ходе исполнительного производства не может быть признано мероприятием государственного контроля (надзора).

Является ли основанием для привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ, неопубликование сведений об утверждении его конкурсным управляющим при условии, если ранее решением суда о признании должника банкротом на него было возложено исполнение обязанностей конкурсного управляющего должника и сведения об этом были опубликованы.

1) Да, является основанием для привлечения к административной ответственности, поскольку абзацем 4 пункта 6 статьи 28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено, что при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, обязательно опубликованию подлежат сведения об утверждении, отстранении или освобождении арбитражного управляющего.

2) Не является основанием для привлечения к ответственности.

Когда суд принял решение о признании должника банкротом и возложил исполнение обязанностей конкурсного управляющего на временного управляющего, последний во исполнение положений пункта 6 статьи 28 Закона о банкротстве опубликовал необходимые сведения, в том числе и о себе как об исполняющем обязанности конкурсного управляющего (ФИО, адрес для направления корреспонденции, ИНН, СНИЛС).

Из толкования норм Закона о банкротстве можно сделать вывод о том, что обязательно опубликованию подлежат сведения об утверждении нового управляющего, смене старого управляющего на вновь избранного и об отстранении управляющего.

В рассматриваемом случае арбитражный управляющий не меняется и не является вновь назначенным.

Кроме того, пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве возлагает на арбитражного управляющего при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

Опубликование сведений в ЕФРСБ является платным (пункт 1 статьи 28 Закона о банкротстве).

Публикация об утверждении конкурсным управляющим временного управляющего, ранее исполнявшего обязанности конкурсного, фактически дублирует ранее размещённую информацию, не влечёт никаких последствий для заинтересованных лиц и приводит к дополнительным расходам должника.

По всем вопросам автор статьи придерживается первого варианта исходя из практики применения арбитраж-

ными судами законодательства об административных правонарушениях.

В настоящей статье были рассмотрены лишь немногие вопросы из числа возникающих на практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях в арбитражных судах. Такие проблемы могут быть разрешены путем внесения изменений и дополнений в соответствующее процессуальное законодательство, посредством обобщения практики и издания соответствующих разъяснений Верховным судом РФ.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // «Российская газета», № 137, 27.07.2002.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Российская газета», № 256, 31.12.2001.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Российская газета», № 209–210, 02.11.2002.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 № 119-О // СПС «КонсультантПлюс».

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Проблемные вопросы судебной защиты интеллектуальных прав в современных условиях

Кудинов Максим Александрович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В настоящей статье автор анализирует несколько важных и интересных судебных решений российских судов последних лет и делает выводы об особенностях судебной защиты интеллектуальных прав в современной России.

Ключевые слова: интеллектуальные права, проблемы судебной защиты, судебная практика.

В современном обществе, в связи с общим повышением роли информации и информационных технологий, все большее значение имеет «творческий и интеллектуальный труд, результаты которого способны составлять интеллектуальную собственность и интеллектуальный капитал» [1, с. 32]. Этот «капитал» нуждается в адекватной защите, в том числе и судебной.

Однако, судебные иски по защите интеллектуальных прав в настоящее время присутствуют в российской правоприменительной практике в сравнительно небольшом объеме, который явно не соответствует масштабам нарушений в этой отрасли, даже несмотря на то, что в России с 2013 года действует специализированный «Суд по интеллектуальным правам», который формирует львиную долю соответствующей судебной практики. Но даже имеющиеся к настоящему времени судебные решения весьма противоречивы и небесспорны, что во многом объясняется самой сущностью интеллектуальных прав.

Зачастую развитие новых технологий в информационно-коммуникационной сфере ставит перед правоприменителями такие вопросы, которые еще не успели получить адекватного регулирования в действующих нормативных актах. Часть спорных аспектов судебной практики нашла свое решение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2].

Однако это Постановление, хотя и вносит ясность по ряду вопросов, однако «сформулировано таким образом, что требуется дальнейшее истолкование того, что же все-таки имеется в виду. В тексте используются формулировки, которые не имеют четкого юридического смысла и не снимают вопросов о применении четвертой части ГК РФ» [3]. Тем самым проблемы в судебной практике все же сохраняются.

В настоящей статье мы сосредоточимся лишь на некоторых «знаковых» и проблемных делах, которые во многом формируют практику в этих непростых условиях.

1) Множество юридических вопросов вызывают споры о правомерности регистрации товарного знака в тех или иных случаях. К примеру — когда они вводят в заблуждение относительно производителя товаров или исполнителя услуг с регистрируемым обозначением (п. 3 ст. 1483 ГК РФ [4]) или же когда компании пытаются зарегистрировать в качестве товарного знака разновидность товара, что вызывает возражения Роспатента.

Так, в деле СИП-691/2018 кондитерская фабрика «Черемушки» оспаривала решение Роспатента об отказе в регистрации товарного знака «Кейк-попс», под которым имеют в виду пирожное на палочке. Позиция Роспатента сводилась к тому, что «Кейк-попс» — это разновидность товара. Следовательно, регистрация товарного знака невозможна. Представители «Черёмушек», напротив, считали, что надо руководствоваться ГОСТ 51303–2013, 51785–2001 и 53041–2008 где такого вида товара, как «Кейк-попс» нет.

В первой и второй инстанции суды согласились с позицией истца. Однако в Кассационной инстанции Суд согласился с доводами ответчика о том, что наименование товара «sakerops» и его русскоязычный вариант стали известны российским потребителям значительно раньше, чем «Черёмушки» решили зарегистрировать такой товарный знак. Определением Верховного суда предыдущие акты были отменены, а компании было отказано в регистрации товарного знака [5].

В деле СИП-627/2017 предметом стал спор между Роспатентом и предпринимателем Константином Поторокой о регистрации товарного знака «БАЙДУ BAIDU». Согласно позиции Роспатента указанное обозначение воспроизводит название китайской поисковой системы, поэтому потребители будут введены в заблуждение. В свою очередь предприниматель указывал на то, что компания не работает в России, а заявленное им обозначение он связывает с выражением «нести байдун».

Суд первой инстанции поддержал позицию Роспатента. По мнению суда, обозначение «BAIDU» широко известно

жителям России именно в связи с китайской компанией. У потребителя есть стойкая ассоциативная связь между обозначением «BAIDU» и компанией, оказывающей ИТ-услуги. Регистрация знака способна ввести в заблуждение относительно того, кто оказывает услуги.

В дальнейшем данное решение рассматривалось в апелляционной и кассационной инстанциях (в основном из-за процессуальных нарушений) однако итоговым Определением Верховного суда РФ [6] первое решение было оставлено в силе.

В обоих рассмотренных случаях в конечном итоге суд все-таки справедливо становился на сторону Роспатента и не давал возможности зарегистрировать в качестве товарных знаков те обозначения, которые могут ввести пользователей в заблуждение. Однако нельзя не заметить и то, что каждое из этих дел рассматривалось на протяжении весьма длительных промежутков времени и в нескольких инстанциях, причем окончательно разрешал дело именно Верховный суд, как высшая судебная инстанция. Это свидетельствует о том, что подобные дела остаются проблемными.

2) Проблемными являются случаи, когда предметом разбирательства оказывается технология, которая не упоминается в российском законодательстве, но при этом существует и активно применяется в цифровой среде.

Одним из примеров такой технологии является веб-парсинг (web-parsing) — автоматизированный процесс извлечения данных с веб-сайта. Пример такого разбирательства (пока единственный) это иск 2017 года от социальной сети «ВКонтакте» к ИТ-компании «Дабл» с обвинением в сборе данных о пользователях без согласия соцсети и продаже этой информации банкам. Предпринимательская деятельность стартапа «Дабл» построена на том, что компания дает банкам возможность оценить кредитоспособность заемщиков по их открытым профилям.

В защиту своей позиции ответчик сослался на то, что работал теми же методами, что и поисковые системы, поэтому его действия не могут считаться неправомерными [7]. Суды разошлись в оценке такого иска «ВКонтакте». Первая инстанция его отклонила, вторая удовлетворила и предписала прекратить незаконное использование.

Кассационная инстанция отметила, что «приведены выводы, сделанные при неполном исследовании фактических обстоятельств дела, а также не приведены результаты оценки имеющих значение для дела доводов общества «В Контакте» и общества «ДАБЛ» «и отменила оба судебных акта и отправила дело на пересмотр [8], который в настоящее время еще не состоялся.

Важность этого дела для судебной практики по интеллектуальным правам состоит в том, что правоприменители пытаются найти границу правомерного и неправомерного сбора информации с сайтов без согласия их владельцев в отсутствие каких-либо норм по этому поводу.

3) В ряде случаев обладатели исключительного права злоупотребляют своим правом, используя при этом недо-

статки законодательного регулирования. Несмотря на то, что подобные случаи неоднократно становились предметом разъяснений и обобщений со стороны судебных инстанций [9], подобная практика продолжает иметь место. Ярким примером стал судебный спор двух российских издательств — «Вентана-Граф» и «Просвещения» (дело № А40–253357/2017).

Причиной спора стал контрафакт. Издательство «Вентана-Граф» выпустило несколько сотен наименований печатной продукции, разместив на обложках книг изображение, почти копирующее товарный знак АО «Издательство «Просвещение».

Издательство «Просвещение» требовало компенсацию за нарушение исключительного права на товарный знак 3756 100 122 рублей. «Чтобы рассчитать сумму иска, «Просвещение» умножило стоимость издания на его тираж. Полученную сумму умножили еще на два, чтобы получился «требуемый законодательством двукратный размер стоимости контрафактных экземпляров произведений» [10].

Суд первой инстанции удовлетворил требования истца полностью. При этом, «суд не усмотрел ни недобросовестной конкуренции, ни злоупотребления правом в том, что «Просвещение» зарегистрировало такой знак (он содержал символику, которая обозначает соответствие учебников Федеральному государственному образовательному стандарту), ни в том, что издательство на протяжении больше чем 10 лет позволяло другим участникам рынка с похожими товарными знаками использовать их. Это привело к ситуации, когда участники рынка использовали знак и полагали, что делают все правильно, потом получили крупные иски, и теперь вынуждены уходить из рынка» [11].

В ответ ответчик подал апелляцию и обратился в Роспатент с возражением против предоставления правовой охраны спорному товарному знаку.

В дальнейшем, в Постановлении суда апелляционной инстанции [12] (оставленным без изменения судом Кассационной инстанции) был рассмотрен и принят отказ истца от иска, так как стороны договорились о мирном урегулировании спора [13].

Указанный спор примечателен, по целому ряду признаков:

- во-первых, колоссальной суммой компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак;
- во-вторых, тем, что предметом разбирательства стал товарный знак, использование которого было признано Роспатентом (по заявлению ответчика) «необоснованным преимуществом» [14], вследствие чего «Просвещение» в 2018 году было лишено права его использование. Это произошло уже после положительного для «Просвещения» решения суда первой инстанции, но до вынесения Постановления апелляционной инстанции. Скорее всего, именно это решение Роспатента и способствовало тому, что «Просвещение» согласилось на мировое соглашение.

Рассматриваемое дело показало всю противоречивость и непредсказуемость защиты товарного знака судебными и административными способами в ситуации, когда обе стороны допускали существенные нарушения и злоупотребления при его использовании.

В целом, можно заключить, что дела по защите интеллектуальных прав остаются весьма сложными и проблемными даже в условиях активной работы специализированной судебной инстанции. При этом, недавно вышедшее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 не решило всех возможных проблем.

Однако, так как закрепление авторских прав в России (как и во всем мире) имеет «догоняющий» характер при котором право догоняет технологии, решение всех возможных проблем судебной практики невозможно в принципе. Поэтому наиболее адекватным выходом из данной ситуации считаем активизацию работы Суда по интеллектуальным правам по обобщению и анализу судебной практики. В настоящее время такие работы «информационные справки» и «обзоры» публикуются не чаще чем один-два раза в год, что объективно недостаточно для покрытия потребности быстро растущего рынка интеллектуальной собственности в России.

Литература:

1. Мазур, З. Ф. Развитие сетевого управления инновационным потенциалом предприятий при обеспечении устойчивого развития региона (на примере Самарской области) / З. Ф. Мазур, Е. М. Чертакова, Г. Э. Кудинова. — Текст: непосредственный // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. — 2018. — № 3. — С. 32–37.
2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. Июль. 2019
3. В судебной практике по спорам о защите интеллектуальных прав пока нет единого подхода. — Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2019/09/17/v-sudebnoj-praktike-po-sporam-o-zashchite-intellektualnyh-prav-poka-net-edinogo-podhoda.html> (дата обращения: 13.10.2020).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
5. Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2019 года по делу № 300-ЭС18-18507. — Текст: электронный // Арбитражный суд Московского округа: [сайт]. — URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1870fceb-dff1-46e2-8903-1d5e85c22072/6c2db974-f3c9-4e3d-9505-4fd076b0e26c/SIP-627-2017_20190124_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.10.2020).
6. Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2019 года по делу № 300-ЭС18-18507. — Текст: электронный // Арбитражный суд Московского округа: [сайт]. — URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1870fceb-dff1-46e2-8903-1d5e85c22072/6c2db974-f3c9-4e3d-9505-4fd076b0e26c/SIP-627-2017_20190124_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.10.2020).
7. Кассация направила на пересмотр дело «ВКонтакте» против стартапа «Дабл». — Текст: электронный // Право.ру: [сайт]. — URL: <https://pravo.ru/news/204082/> (дата обращения: 13.10.2020).
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № А40-18827/2017 от 24 июля 2018 года. — Текст: электронный // Арбитражный суд Московского округа: [сайт]. — URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/4c9d2b02-4fbd-4554-82c8-53282523639c/A40-18827-2017_20180724_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.10.2020).
9. Справка по вопросам недобросовестного поведения, в том числе конкуренции, по приобретению и использованию средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Утверждена постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 21 марта 2014 года № СП-21/2. — Текст: электронный // Журнал суда по интеллектуальным правам: [сайт]. — URL: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/2243-sur-les-questions-de-comportements-malveillants> (дата обращения: 13.10.2020).
10. «Просвещение» выиграло иск на 4 млрд рублей у издательства-конкурента. — Текст: электронный // Право.ру: [сайт]. — URL: https://pravo.ru/news/202469/?desc_emb (дата обращения: 13.10.2020).
11. Вараскин, М. Интеллектуальная собственность: старые проблемы и новая практика / М. Вараскин. — Текст: электронный // Право.ру: [сайт]. — URL: <https://pravo.ru/story/210861/> (дата обращения: 13.10.2020).
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-33642/2018-ГК от 16 октября 2019 года по делу № А40-253357/17. — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1745705#03064754108419374> (дата обращения: 13.10.2020).
13. «Просвещение» отзовет иск к «Вентане-граф» на рекордную сумму в 3,7 млрд рублей. — Текст: электронный // Ведомости: [сайт]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/09/17/811436-prosveschenie-otzovet-isk-k-ventane-graf> (дата обращения: 13.10.2020).
14. Издательство «Просвещение» лишили прав на оспоренный товарный знак. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b1be28e9a79477dca02f644> (дата обращения: 13.10.2020).

Использование охраноспособных объектов в аудиовизуальных произведениях

Тришкина Екатерина Александровна, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аудиовизуальное произведение как средство массовой коммуникации воздействует на сознание людей и передает большой поток информации. За одну минуту кинофильма можно показать целую прожитую жизнь. Очередность сцен порождает сюжет, в котором запечатлены как сами актеры, так и окружающий их мир. Российская судебная практика в сфере интеллектуальной собственности на аудиовизуальные произведения идет по стопам американской практики. Относительно недавно российские суды начали применять субъективную оценку фактических обстоятельств [1], введя в оборот такое понятие, как «сюжетообразующий объект».

Сюжетообразующий объект по смыслу применения российской судебной практики — это такой объект, вещь, на которую делают акцент во время съемки аудиовизуального произведения. Такой объект рассматривается не просто как вещь, принадлежащая по праву собственности, но и как объект интеллектуальной собственности, который имеет исключительные права.

В одном из дел — Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.02.2017 N С01–39/2017 по делу N А40–233779/2015 — применяется понятие «сюжетообразующий объект», который говорит о том, когда такой объект является объектом материального мира. «Исходя из анализа характера и построения сцены фильма, построения диалогов актеров и происходящих действий, при создании данной сцены акцентировалось внимание не на литературном произведении Л. Н. Толстого «Анна Каренина», а на конкретном объекте материального мира — коллекционном издании данного произведения, при создании которого был использован авторский дизайн обложки произведения и иллюстраций к нему: главным объектом сцены является книга, используемая в качестве подарка; согласно сценарию, оба участвующих в сцене героя неоднократно обращают внимание на внешние характеристики книги: «коллекционное издание», «очень дорогая книга»». [2]. Важно отметить, что само произведение Л. Н. Толстого «Анна Каренина» находится в общественном достоянии, так как срок правовой охраны авторским правом истек, а сама книга в дизайнерской обложке как вещь являлась главным объектом сцены. Такая обложка и послужила основанием нарушения исключительных прав на произведение, воплощенное в реквизите.

Интересно, что российская судебная практика, в отличие от американской, не выделяет какие-либо критерии и разграничения помимо вопроса, «сделан ли акцент на данной вещи». В американской судебной практике есть четыре фактора, которые играют какую-либо роль при решении вопроса, нарушены ли чьи-либо интеллектуальные права или нет:

- 1) цель и характер использования, в том числе, является ли такое использование коммерческим или некоммерческим;
- 2) характер произведения, защищенного авторским правом;
- 3) объем и обоснованность взятой части, используемой в отношении защищенного авторским правом произведения в целом;
- 4) влияние использования на потенциальный рынок или стоимость произведения, защищенного авторским правом. [3]

Также немаловажен принцип *de minimis*, который учитывается при вынесении судебного решения и *Fair use*, добросовестное использование. Суть *de minimis* состоит в том, что закон не будет налагать юридических последствий, если несанкционированное копирование является достаточно тривиальным. [4] В делах о защите исключительных прав на произведения суды используют доктрину *de minimis* тремя способами: [5]

1. Как часть анализа существенного сходства (*substantial similarity*) объектов авторского права (если нет существенного сходства, то нет и факта нарушения).
2. Как часть анализа на справедливое использование (*fair use*). [6]
3. Как самостоятельную защиту от претензий в нарушении авторских прав при небольшой важности нарушения. [7]

Понять, где находится та грань дозволенного использования и нарушение чьих-либо прав, не представляется возможным, поскольку каждый случай в Америке рассматривается индивидуально. Например, в деле *Ringgold v. Black Entertainment Television, Inc.*, 126 F. 3d 70 (2d Cir. 1997) суд первой инстанции признал нарушением использования плаката на заднем фоне актеров в фильме «Рок». В общей сложности плакат был показан 26,75 секунды. Однако, рассмотрев в апелляционной инстанции дело, суд указал, что *de minimis* не был рассмотрен судом полностью по четырем факторам, которые указаны выше в настоящей статье. Во-первых, техническое нарушение право настолько мало, что применять санкции за такое использование не представляется разумным. Во-вторых, в деле нет спора о копировании плаката, поскольку никто не пытался сделать копию или использовать часть плаката, а использовал выпущенный и приобретенный законным путем плакат полностью. В-третьих, использование плаката было минимальным, причем особого акцента на него сделано не было. Расчет скопированного, воспроизведенного материала, который нарушает права в аудиовизуальном произведении, рассчитывается из общего объема произведения. В-четвертых, фактора влияния объемов продаж зафиксировано не было.

Таким образом, решение районного суда отменено, и дело направлено на новое рассмотрение. [8]

Что касается российского законодательства, то любое использование произведения без разрешения правообладателя является нарушением, если такое использование не подпадает под «свободное использование».

Однако в мире современных технологий авторы по причине неосмотрительности сами предоставляют другим лицам право на использования своего произведения. Так, автор аудиовизуального произведения, выложив свое творчество на интернет-сервисе YouTube под названием «Новый Афон», не смог доказать нарушения своих исключительных прав, а именно неправомерное использование аудиовизуального произведения при показе телепередачи «Поедем, поедим».

Важную роль сыграло пользовательское соглашение интернет-сервиса YouTube, в котором прописаны условия предоставления лицензии на контент, выгружаемый на платформу. В пп. 8.1 п. 8 Пользовательского соглашения сервиса www.youtube.com, «при загрузке или размещении контента на YouTube пользователь представляет каждому пользователю YouTube неисключительную безвозмездную лицензию на территории Российской Федерации и других стран мира на доступ к указанному

контенту через службу, а также на использование указанного контента и, в частности, права на воспроизведение, распространение, переработку или создание из него производных произведений, публичный показ, доведение до всеобщего сведения, а также публичное исполнение подобного контента». [9]

Суд установил отсутствие нарушения исключительных прав автора аудиовизуального произведения, в связи с чем истцу было отказано в выплате денежных средств.

Таким образом, произведение можно использовать, если:

- 1) срок правовой охраны истек и произведение перешло в общественное достояние;
- 2) заключен договор с правообладателем на использование произведения;
- 3) заключен договор с компанией, обществом или интернет-сервисом, которые предоставляют право на использования произведения;
- 4) автор в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» предоставил право на использования произведения;
- 5) произведение используется в соответствии со ст. 1274 ГК РФ. [10]

Литература:

1. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.02.2017 N C01-39/2017 по делу N A40-233779/2015 // СПС «Консультант Плюс»
2. [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPIR&n=28869#034151208711433956> (дата обращения 24.02.2020 г.)
3. [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/107> (дата обращения 01.03.2020 г.)
4. Knickerbocker Toy Co. v. Azrak-Hamway Int'l, Inc., 668 F.2d 699, 703 (2d Cir.1982)
5. Andrew Inesi. A theory of de minimis and proposal for its application in copyright, 21 Berkeley Tech. L. J. 945, 960 (2006).
6. § 107 Акта об авторском праве США устанавливает, что одним из обязательных условий анализа того, относится ли использование произведения к справедливому использованию, является анализ количества и ответственности использованного материала (17 U. S. C. § 107).
7. [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://jursite.garant.ru/asp/prevention-of-claims-of-copyright-infringement-in-the-film-industry-jurisprudence-of-the-us-and-russia> (дата обращения 01.03.2020 г.)
8. [Электронный ресурс] // Режим доступа <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/126/70/497885/> (дата обращения 01.03.2020 г.)
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.08.2019 по делу N 33-37785/2019 // СПС «Консультант Плюс»
10. [Электронный ресурс] // Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/84bbd636598a59112a4fe972432343dd4f51da1d/ (дата обращения 01.03.2020 г.)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Криминологический анализ детерминант коммерческого подкупа

Новиков Евгений Феоктистович, кандидат юридических наук, доцент;

Оглоблин Николай Геннадьевич, студент магистратуры

Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье анализируется проблема причинности преступных деяний, выделяются основные причины, которые приводят к совершению коммерческого подкупа, особое внимание уделено экономическим причинам, так как именно с ними большинство исследователей связывает совершение гражданами данного вида коррупционных преступлений.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, причины коммерческого подкупа, коррупция, детерминанты коммерческого подкупа.

Современный этап развития российского общества характеризуется глобальными переменами экономического, организационного и идеологического характера, в условиях роста как международной, так и внутриполитической напряженности. В связи с этим приоритетными становятся вопросы борьбы с преступностью. При этом особую криминогенную остроту и политическую значимость приобретает предупреждение и пресечение коррупционных преступлений, которые напрямую разрушают процессы нормального функционирования государственного аппарата, повышают уровень недовольства как граждан, так и представителей бизнеса, используются в качестве главного обвинения правящей партии от лица представителей радикальных политических течений.

Указанные факты обуславливают выбор в качестве одного из основных направлений уголовной политики Российской Федерации является противодействие коррупционным преступлениям [3, с. 10]. Одним из подобных коррупционных проявлений является запрещенное уголовным законом деяние — коммерческий подкуп. Совершение рассматриваемого преступления подрывает авторитет коммерческих и иных организации; препятствует осуществлению нормальной предпринимательской деятельности и препятствует установлению на территории Российской Федерации нормальных рыночных отношений.

Стоит отметить, что для предотвращения данного негативного социального явления недостаточным является внесение описания его объективной стороны в диспозицию Уголовного кодекса с применением в отношении нарушителей мер уголовной ответственности. Важно не только наказывать граждан за совершенные ими общественно опасные деяния, но и пресекать причины, по которым указанные граждане эти деяния совершают.

Ведь пресечение причины преступления является гораздо более выгодным (в частности, экономически) для общества, нежели наказание совершившего преступление. При наказании в виде лишения свободы человек вырывается из своей социальной среды, теряет необходимые навыки, наказание в виде штрафа наносит ущерб покупательной способности должностного лица, а индивидуальному предпринимателю может угрожать банкротством.

Следует согласиться с В. Н. Кудрявцевым, который указывает на крайнюю важность разработки в процессе научного исследования запрещенных деяний, совершаемых гражданами, методов ликвидации самой возможности для гражданина совершить преступление [4, с. 18]. Таким образом, вопрос о детерминантах коммерческого подкупа имеет крайнюю актуальность в настоящее время.

Однако, говоря о причинах совершения запрещенных законом общественно опасных деяний в виде коммерческого подкупа, необходимо определить некоторые теоретические моменты, касающиеся такого явления материального мира, как причинность. Под причинностью в науке понимают любую зависимость между одним явлением или процессом и другим явлением или процессом, причем эту зависимость должна быть закономерной и явной.

Таким образом, причины коммерческого подкупа как уголовно наказуемого деяния следует признать явлениями социальной среды, которые приводят к совершению анализируемых нами в настоящей работе преступных деяний, обуславливают их существование в материальном мире, а также влияют на динамику данных преступлений.

Также в рамках теоретического анализа причинности следует выделить такую категорию, как условие, под которым понимается такие явления общественной жизни,

которые способствуют тому, чтобы причины преступления в виде коммерческого подкупа породили его общественно опасные последствия, как бы «подталкивая», усиливая действие причин. Соответственно для того, чтобы найти полную причину какого-либо явления, включая и совершение преступлений, необходимо рассмотреть как его причины, так и условия [5, с. 56].

В качестве условий коммерческого подкупа специалисты, которые рассматривали данный вопрос, называют ослабление государственного механизма. Так, Л. П. Тумаркина пишет, что государство в настоящее время не дает достойный отпор криминальным элементам, активно проникающим в бизнес-среду. В то же время государственные службы не справляются со своими социальными обязанностями по охране своих граждан, что приводит к обращению некоторых субъектов малого бизнеса в сферу деятельности организованных преступных групп. Указанный комплекс условий обуславливает криминализацию предпринимательства в нашей стране [6, с. 98].

По мнению других исследователей, важным условием коммерческого подкупа является крайне слабые действия сотрудников правоохранительных служб, посредственное правовое регулирование уголовной ответственности за коммерческий подкуп, которое приводит к возникновению противоречий и проблем в применении законодательства [2, с. 45].

Важной причиной совершения анализируемых в настоящей работе преступных деяний является крайней высокий уровень имущественного неравенства, из-за чего огромное количество людей, как в среде работников, так и в среде предпринимателей имеют крайне низкие доходы, то есть происходит общее обнищание населения. Следствием этого является ситуация, при которой зна-

чительная часть граждан готова пойти на преступление с осознаваемым риском уголовной ответственности ради значительных денежных сумм [6, с. 30].

Выделяется в качестве условия также жесткая экономическая политика в Российской Федерации, из-за которой значительное число предпринимателей и простых граждан вовлечены в теневые экономические отношения, приводящие как к совершению административных и налоговых правонарушений, так и совершение преступных деяний наподобие анализируемого нами [7, с. 117].

Таким образом, ряд экономических обстоятельств, низкая эффективность деятельности правоохранительных органов, несовершенство уголовно-правовой нормы, низкая правовая культура наряду с ослаблением вмешательства государства в экономику страны являются факторами, детерминирующими совершение коммерческого подкупа и создающими для криминальных организованных структур благоприятные условия установления власти в сфере экономики страны.

Можно утверждать, что основной причиной, приведшей к подобной ситуации, стал общественно-экономический кризис 1990-х гг., в результате которого широкое распространение получило незаконное вознаграждение в системе распределительных отношений. Множество коммерческих организаций, принимая в расчет пробелы в правовом регулировании экономической сферы, существовавшие в то время, совершали сделки, приносящие огромную неучтенную прибыль.

В настоящее время опасность коммерческого подкупа для общества достаточно велика, однако высокий уровень латентности наряду с проблемами уголовно-правового и процессуального характера осложняют выявление и раскрытие данного вида преступления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Авунц А. Р. Провокация взятки либо коммерческого подкупа в российском уголовном законодательстве: история регламентации ответственности / А. Р. Авунц // Актуальные проблемы современной науки. — 2012. — № 4. — С. 45–49.
3. Исмагилов Р. А. Обеспечение безопасности лиц, способствующих выявлению коррупционных преступлений / Р. А. Исмагилов // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2016. — № 3. — С. 10–17.
4. Кудрявцев В. Н. Социологические проблемы изучения антиобщественного поведения / В. Н. Кудрявцев. — М., 1974. — 282 с.
5. Красноусов С. Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе (понятие и противодействие) / С. Д. Красноусов. — М., 2013. — 406 с.
6. Тумаркина Л. П. Коммерческий подкуп: монография / науч. ред. О. С. Капинус. — М., 2005. — 218 с.
7. Федорив Д. Р., Гачава М. Л. Факторы, детерминирующие коммерческий подкуп / Д. Р. Федорив, М. Л. Гачава // Вестник Владимирского юридического института. — 2013. — № 3 (28). — С. 117–119.

Некоторые вопросы осуществления полномочий прокурором по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением

Панфилова Елизавета Анатольевна, аспирант

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье автор рассматривает полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему к прокурору с обвинительным заключением, в частности, проблемные вопросы.

Ключевые слова: прокурор, обвинительное заключение, уголовное дело, предварительное следствие, следователь.

Несмотря на существенное сокращение полномочий прокурора по отношению к органам предварительного следствия, прокурор остается лицом, надзирающим за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Руководство расследованием принадлежит руководителям следственных органов, но надзор за процессуальной деятельностью остается за прокурором.

Совокупность действий и решений прокурора по уголовному делу, поступающему к нему по завершению предварительного следствия, является важнейшим этапом досудебного производства, от которого во многом зависит судьба уголовного дела, перспектива его рассмотрения в суде, обеспечение прав вовлекаемой в уголовное судопроизводство личности, защита интересов государства и общества, затрагиваемых совершением преступлений.

Прокурор при принятии решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением в порядке ст. 221 УПК РФ, проверяет соответствие выводов органов следствия и установленным в ходе расследования обстоятельствам дела, правильность квалификации содеянного, а также соблюдение уголовно-процессуального законодательства при производстве следственных и иных процессуальных действий и оформлении процессуальных документов следователем. Одновременно он проводит анализ процессуальной деятельности следователя на протяжении всего предварительного следствия, оценивает надёжность доказательственной базы для успешного поддержания государственного обвинения по уголовному делу в судебном заседании, обеспечивает, таким образом, успешность уголовного преследования в суде.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия не должен рассматриваться как ограничение процессуальной самостоятельности следователя, так как он направлен на соблюдение следователем закона при принятии процессуальных решений.

Прокурор при проверке уголовного дела с обвинительным заключением в порядке ст. 221 УПК РФ может лишить доказательство юридической силы и признать его недопустимым на завершающем этапе досудебного производства (ч. 3 ст. 88 УПК РФ), что влияет на достаточность собранных доказательств в подтверждение тезисов обвинения, выдвинутого на предварительном следствии, что в итоге может повлиять на судьбу уголовного дела, и безнаказанности виновных лиц.

В случае установления обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, отсутствия достаточных доказательств виновности обвиняемого, неправильной квалификации содеянного, неполноты проведенного расследования, уголовное дело подлежит возвращению для дополнительного расследования, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или пересоставления обвинительного заключения и устранения иных выявленных недостатков.

Постановление прокурора должно быть аргументированным, содержащим сведения о допущенных нарушениях, подлежащих устранению.

В случаях формального подхода следователя к устранению выявленных нарушений, в том числе путем частичного выполнения указанных в требовании следственных и процессуальных действий, надзирающий прокурор должен принимать действенные меры прокурорского реагирования. В случае невыполнения или формального выполнения требований прокурора основанием для соответствующей меры прокурорского реагирования будет являться нарушение федерального законодательства, выразившееся в неисполнении законных требований прокурора о производстве следственных и иных процессуальных действий, а не необходимость производства невыполненных действий.

Основные причины направления уголовных дел для производства дополнительного следствия являются неполнота предварительного следствия, нарушение следователями порядка привлечения в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), а именно отсутствие в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого сведений, подлежащих обязательному отражению, несоответствие обвинения фактически установленным в ходе расследования обстоятельствам совершения преступления, неверное применение уголовного закона, нарушение требований при составлении обвинительного заключения (ст. 220 УПК РФ).

Учитывая, что надзирающие прокуроры во многих зарубежных странах принимают решение, как о возбуждении, так и о прекращении уголовного преследования, полагаем необходимым предоставить прокурору право прекращения уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, внеся соответствующие изменения в ст. 221 УПК РФ. Данное положение будет способствовать снижению нагрузки на суды, если прокурор

своевременно сможет прекратить уголовное дело, расследованное следователем, по нереабилитирующим основаниям.

Прокурорами нередко выявляются на этапе подготовки к судебным процессам пробелы предварительного расследования, приходится оперативно находить варианты их устранения в судебном следствии путём заявления ходатайств перед судом об инициировании проведения отдельных процессуальных действий, обеспечивающих восполнение или устранение данных пробелов.

Представляется, что прокурор, должен обладать необходимым объемом полномочий для устранения нарушений закона, своевременно не выявленных руководителем следственного органа. Для полноты надзорных полномочий целесообразно восстановить право прокурора давать следователю обязательные указания о про-

изводстве следственных и иных процессуальных действий.

Деятельность следователей нуждается в полноценном и постоянном прокурорском надзоре, так как существуют возможность ущемления и нарушения прав и свобод человека и гражданина. Именно в досудебном производстве надзорная функция прокуратуры, процессуальные полномочия прокуроров должны присутствовать в полном объеме, а решения прокурора должны быть обязательными не только для дознавателей, но и следователей.

На основании изложенного, можно прийти к выводу о необходимости внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части расширения полномочий прокурора по осуществлению надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и по уголовному преследованию.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. — 2001. — № 249.

Понятие и виды процессуальных издержек по уголовным делам о пожарах

Титова Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В рамках данной статьи рассмотрены имеющиеся подходы к определению процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве, предложено их авторское определение и классификация.

Ключевые слова: процессуальные издержки, уголовное судопроизводство, возмещение процессуальных издержек, расходы на уголовное судопроизводство.

Concept and types of procedural costs in criminal cases about fire

Within the framework of this article, the available approaches to the determination of procedural costs in criminal proceedings are considered, their author's definition and classification are proposed.

Keywords: procedural costs, criminal proceedings, reimbursement of procedural costs, costs of criminal proceedings.

Уголовное судопроизводство представляет собой одну из отраслей государственной деятельности. При этом, она, как и любой другой вид деятельности, имеет определенные материальные затраты, которые достаточно разнообразны. Конкретный вид затрат, необходимость в которых возникает по тем или другим уголовным делам, зависит от многих обстоятельств, четко определить перечень тех, которые всегда являются необходимыми, практически невозможно, однако, нет ни одного уголовного дела, расследование которого не повлекло бы необходимость каких — либо из них. Таким образом, расходы, которые государство несет в связи с уголовным судопроизводством, огромны, в связи с чем, подходить к ним

с позиции неисполнимых было бы неверно. По этой причине, законодательно предусмотрена возможность возмещения отдельных видов таких затрат за счет участников уголовного процесса.

Те затраты (расходы, связанные с уголовным производством), которые подлежат возмещены за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства, принято рассматривать в качестве процессуальных издержек. Именно в данном виде определение процессуальных издержек находит свое закрепление в ст. 131 УПК РФ.

Как правило, наличие легального определения того или иного понятия или правового института разрешает

дискуссионные вопросы по поводу его содержания, но это лишь касается тех ситуаций, когда законодательное определение является полным и подробным и не вызывает критики. В случае же с понятием процессуальных издержек ситуация иная. Мы полностью разделяем позицию исследователей о том, что законодательное определение процессуальных издержек далеко от совершенства, поскольку из его буквального толкования можно сделать вывод о том, что в процессуальные издержки включаются также расходы на содержание сотрудников тех органов, которые вовлечены в осуществление уголовного судопроизводства, однако, это неверно, данные расходы представляют собой материально-техническое обеспечение.

Кроме того, законодательное определение процессуальных издержек достаточно общее, неконкретизированное и краткое, что породило значительное количество различных подходов к определению процессуальных издержек в научной литературе. Рассмотрим некоторые из них. Так, на данный момент процессуальные издержки предлагается определять как:

- расходы органов предварительного расследования, а также прокуратуры и суда, предусмотренные нормами уголовно-процессуального законодательства и предназначенные для осуществления указанными органами уголовно-процессуальной деятельности по установлению факта совершения преступления, взыскиваемые с виновного лица либо осуществляемые государством [1]. Данное определение нельзя в полной мере признать верным хотя бы по той причине, что издержки могут быть также взысканы и с законных представителей несовершеннолетних осужденных, а в случае применения — со сторон. То есть, в рассматриваемом определении приведены не все те субъекты, с которых возможно взыскание процессуальных издержек;
- в узком смысле — это расходы, связанные с производством по уголовному делу, а в широком — расходы, связанные с производством по уголовному делу, которые, по решению суда, могут быть возмещены за счет осужденного, иных участников уголовного судопроизводства либо государства [3];
- это предусмотренные законом расходы органов предварительного расследования и суда в связи с производством по уголовному делу, подлежащие компенсации из средств федерального бюджета или за счет средств уголовного судопроизводства [2];
- это подлежащие возмещению расходы участников уголовного судопроизводства (кроме подозреваемого и обвиняемого), вынужденно понесенные в связи с производством по данному уголовному делу [5]. В данном определении упущен один важный момент — в случае отстранения обвиняемого от должности государством ежемесячно ему осуществляется выплата государственного пособия, которое также входит в число процессуальных издержек;

- это законодательно закрепленный перечень расходов, понесенных органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда при производстве по уголовному делу [4]. Однако, в данное определение не включается указание на факт возможности возмещения данных расходов, что, фактически, сводит на нет основную сущность процессуальных издержек, смешивая их таким образом с расходами на материально-техническое, организационное обеспечение уголовного судопроизводства.

Представляется, что на основании анализа всех вышеприведенных определений можно предложить свое, учитывающее все указанные недостатки. Процессуальные издержки — это расходы, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, понесенные органами, вовлеченными в осуществление уголовного судопроизводства, подлежащие возмещению в установленном законом порядке. Полагаем, что такое определение в полной мере раскрывает содержание издержек, поскольку указывает на все те расходы, которые законодатель упоминает в законе в качестве таких издержек, а также отражает возможность их возмещения. При этом, подробное перечисление тех средств, за счет которых возможно такое возмещение, в законодательной норме нам видится излишним, достаточно того, что на это имеется указание в отдельных нормах, посвященных отдельным ситуациям, в которых осуществляется возмещение процессуальных издержек.

Также ведя речь о процессуальных издержках, видится необходимым отметить, что их надлежит отличать от иных материальных затрат, необходимость в которых возникает в рамках уголовного судопроизводства. Среди таких затрат видится возможным назвать следующие:

- расходы на содержание тех органов, которыми осуществляется уголовное судопроизводство (денежное довольствие сотрудников данных органов, расходы на транспорт, почтовые отправления, оргтехнику, канцелярские принадлежности, оперативно — розыскную деятельность, содержание лиц, задержанных в порядке ст. 91 УПК РФ и заключенных под стражу и т.д.);
- вред, причиненный в результате преступления (материальный, физический или моральный), который также подлежит возмещению, однако исключительно:
 - а) по иску потерпевшего или его представителя;
 - б) за счет средств осужденного за совершение преступления лица (если гражданский иск рассматривается в рамках уголовного или гражданского судопроизводства либо обвиняемого, в отношении которого прекращено уголовное дело по реабилитирующим основаниям (в рамках гражданского судопроизводства)).
- ущерб, причиненный лицу вследствие его незаконного уголовного преследования или незаконного применения мер процессуального принуждения, который также подлежит возмещению, но в порядке реабилитации.

Классифицировать судебные издержки возможно по различным основаниям, но, с нашей точки зрения, наиболее оптимальным будет подразделить их на следующие виды:

- процессуальные издержки в связи с производством определенных выплат лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство, предназначенные для покрытия их расходов на участие в уголовно — процессуальной деятельности (выплачиваемые в качестве компенсации расходов на явку в орган предварительного расследования либо в суд, возмещения недополученных доходов, расходов потерпевших на квалифицированную юридическую помощь и т. д.);

- процессуальные издержки в связи с осуществлением профессиональных обязанностей участниками уголовного судопроизводства (суммы, выплаченные защитнику, эксперту, переводчику);
- процессуальные издержки в связи с расследованием уголовного дела (затраченные на хранение вещественных доказательств, производство судебных экспертиз);
- процессуальные издержки в связи с применением меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности.

Представляется, что данная классификация позволяет в полной мере охватить все процессуальные издержки, которые существуют в настоящее время в российском уголовном процессе.

Литература:

1. Бажанов С. В. Стоимость уголовного процесса: Дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 485–486.
2. Вандышев В. В. Уголовный процесс. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 180.
3. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс. М.: Эксмо, 2006. С. 281.
4. Лобанов Е. В. Понятие процессуальных издержек в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 416.
5. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2007. С. 25

Порядок возмещения процессуальных издержек по уголовным делам о пожарах

Титова Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В данной статье проанализирован порядок возмещения процессуальных издержек по уголовным делам о преступлениях, связанных с пожарами. На основе анализа материалов правоприменительной практики выявлены основные недостатки, не позволяющие осуществлять надлежащим образом взыскание процессуальных издержек и внесены предложения по их устранению.

Ключевые слова: процессуальные издержки, возмещение процессуальных издержек, порядок возмещения процессуальных издержек.

Procedure for refunding procedural costs in criminal cases about fire

This article analyzes the procedure for reimbursing procedural costs in criminal cases involving crimes related to fires. Based on the analysis of materials of law enforcement practice, the main shortcomings that do not allow for the proper collection of procedural costs were identified and proposals were made to eliminate them.

Keywords: procedural costs, reimbursement of procedural costs, procedure for reimbursement of procedural costs.

Возможность возмещения процессуальных издержек, особенности, не только за счет государственных средств, но и за счет участников уголовного процесса (преимущественно подозреваемого и обвиняемого) — это несомненно важное и позитивное законодательное установление, в особенности, в настоящее время, когда экономика страны находится в сложной ситуации и любая

экономия посредством сокращения расходов на обеспечение того или иного вида деятельности очень важны. В то же время, в сфере возмещения процессуальных издержек по уголовным делам имеется значительное количество проблем, не позволяющих эффективно реализовывать все существующие возможности.

Процессуальные издержки с лиц, виновных в совершении преступления, взыскиваются в принудительном порядке. С одной стороны, порядок возмещения процессуальных издержек достаточно простой — их факт должен подтверждаться материалами уголовного дела и должно быть принято решение о возложении возмещения процессуальных издержек на конкретный орган либо лицо. Аналогичным образом осуществляется возмещение процессуальных издержек по любым уголовным делам, в том числе и расследуемым по фактам пожаров. В то же время, несмотря на ясный и четкий порядок, в сфере возмещения процессуальных издержек возникает достаточно много проблем, которые, преимущественно, обусловлены недостатками в деятельности лиц, производящих расследование.

В качестве основных недостатков процессуальной деятельности следователей и дознавателей, не позволяющих в установленном законом порядке произвести взыскание издержек, видится возможным назвать следующие:

- следователи и дознаватели не приобщают к материалам уголовных дел постановления о выплате издержек;
- неверно произведен расчет оплаты труда защитника, участвующего по назначению в уголовном деле (например, неверно подсчитано количество дней, в которые защитник был задействован в производстве следственных и процессуальных действий; неправильно определена ежедневная сумма к выплате и т. д.);
- в постановлениях об оплате труда защитников, вынесенных лицами, производящими расследование, не приводится достаточных мотивировок обоснования суммы (например, не указано, что следственное действие было произведено в выходной или праздничный день), не указывается, на основании норм каких правовых актов произведен расчет и т. д.;
- в справке, выступающей в качестве приложения к обвинительному заключению, не указываются процессуальные издержки либо не указывается их конкретный вид и размер, подлежащий возмещению [1].

Приведем пример из судебной практики, когда взыскание процессуальных издержек было произведено неверно. Ш. привлекалась к уголовной ответственности за совершение трех преступлений, предусмотренных ст. 168 УК РФ. Суд взыскал с нее в доход федерального бюджета денежные средства в сумме 23940 рублей по заявлению защитника, размер выплаченного защитнику вознаграждения был аргументирован тем, что в уголовном деле расследовалось три эпизода преступной деятельности, а объем уголовного дела был представлен тремя томами. Однако, судом в данном случае не учтен тот факт, что в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения суд прекратил в отношении Ш. уголовное преследование по двум эпизодам преступной деятельности в связи с отсутствием в ее действиях состава преступ-

ления и осуждена она была лишь за совершение одного преступления, в то время как по остальным подлежала реабилитации. Соответственно, взыскание с нее процессуальных издержек в связи с обвинением по тем фактам, по которым уголовное преследование в отношении Ш. прекращено, было невозможным [3].

В некоторых случаях также ошибки во взыскании процессуальных издержек допускаются не только лицами, производящими расследование, но и судами. В частности, судом при рассмотрении уголовного дела с осужденного Г. были взысканы процессуальные издержки в сумме 5700 рублей в счет возмещения вознаграждения, выплаченного защитнику. Однако, данное уголовное дело было рассмотрено в особом порядке, а законодательно установлено, что в таких случаях процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что в ряде случаев судами вообще не принимается никаких мер по взысканию процессуальных издержек с виновных лиц. Так, в качестве примера можно привести уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, которое было прекращено судом в связи с примирением сторон. В таком случае не предусмотрено специальное основание освобождения лица от возмещения процессуальных издержек, однако, применение общих вполне возможно. Суд в своем решении освободил К. от процессуальных издержек, аргументировав это возможным ухудшением материального положения лиц, находящихся на иждивении К. В то же время, в материалах уголовного дела отсутствовали сведения о числе иждивенцев К., кроме того, из материалов уголовного дела следовало, что К. является трудоспособным и трудоустроенным [4]. В данном случае не имелось никаких препятствий к тому, чтобы взыскать с К. процессуальные издержки.

Также имеет место взыскание процессуальных издержек в пользу организации либо учреждения, в то время как они должны взыскиваться всегда в доход государства. Так, по уголовному делу в отношении С., осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 219 УК РФ, процессуальные издержки были взысканы в пользу адвокатской коллегии [2].

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что в сфере взыскания процессуальных издержек по уголовным делам, в том числе, и по уголовным делам о преступлениях, связанных с пожарами, существует достаточное количество проблем. При этом, они во многом обусловлены субъективными критериями — недостатками деятельности по обеспечению возмещения процессуальных издержек органов расследования и суда.

Представляется, что для того, чтобы исключить возможности допущения ошибок как органами расследования, так и судами при взыскании процессуальных издержек, необходимо выработать подробную методику, в рамках которой четко определить, в каких случаях, в каком размере и с кого подлежат взысканию процессуальные издержки, уделив при этом особое внимание

тем вопросам, которые вызывают наибольшее количество проблем в правоприменительной практике.

В том случае, когда взыскание процессуальных издержек становится невозможным по причине ошибок, допущенных органами предварительного расследования и судами (к примеру, при отсутствии в справке к обвинительному заключению либо к обвинительному акту ука-

зания на процессуальные издержки, их размер), виновные в данном факте лица должны быть привлечены к дисциплинарной ответственности. Это повысит дисциплинированность лиц, производящих расследование, и позволит обеспечивать восполняемость затрат, понесенных государством на обеспечение некоторых нужд уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Драничникова Н. В. Взыскание процессуальных издержек как правовой институт: современное состояние и направления совершенствования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 107.
2. Уголовное дело № 1–29 / 2020 // Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2020 год
3. Уголовное дело № 1–17 / 2018 // Архив Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2018 год
4. Уголовное дело № 1–63 / 2017 // Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2017 год

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 9 (23) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.12.2020. Дата выхода в свет: 10.12.2020.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.